

ОБРАЗ ПЕТРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

1. ПЕТР — АНТИХРИСТ

Время преобразований, как и личность преобразователя, вызывали у современников далеко не одинаковую оценку. Панегирики, восхвалявшие деяния Петра, сосуществовали с противоположными, крайне негативными оценками царя-реформатора. Первые дошли до нас в письменных источниках — от правительственных указов до сочинений и трактатов, напечатанных по распоряжению правительства; их авторы принадлежали к числу образованнейших людей того времени. Хулители же новшеств были представлены различными слоями общества, проживавшими в боярских хоромах и убогих хижинах селянина, монашеской келье и стрелецкой избе.

Сочинения панегиристов отличались от сочинений хулителей не только содержанием, но и условиями возникновения: первые, как правило, являлись продуктом творческого вдохновения, вторые возникали в пыточных покаях, когда истязаемые говорили правду, иногда, не выдержав многократных пыток, давали показания, угодные следователям и тут же старательно регистрируемые канцеляристами. Сочинения панегиристов если не тотчас, то спустя десятилетия, печатались в типографиях, произносились с амвонов, легально и широко распространялись среди грамотного населения, в то время как пыточные речи, осуждавшие преобразования и их инициатора, хранились за семью печатями в учреждении политического сыска — Преображенском приказе — и были окружены строжайшей государственной тайной.

О том, что недовольство новшествами имело широкое распространение, свидетельствуют многочисленные покушения на жизнь Петра, заговоры против него, связанные с именами Цыклера и Соковнина, причастность к делу царевича Алексея такого представителя аристократической фамилии,

как князь В. В. Долгорукий, выступление местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, осудившего, в частности, безнаказанность фискалов за неправый донос.

Бремя преобразований с разной степенью тяжести ложилось на все слои общества — от боярина до последнего крестьянина и горожанина. Но последним, несомненно, приходилось тяжелее всего, ибо именно они должны были нести новые повинности и платить ранее неведомые налоги.

Наибольшее недовольство преобразованиями и преобразователем проявилось в трех слоях общества, которым новшества нанесли наибольший урон и которые подверглись наибольшему преследованию. К ним в первую очередь относятся стрельцы. После подавления стрелецкого бунта 1698 года четыре полка, в нем участвовавшие, подверглись суровым карам Петра. Площади Москвы были заполнены виселицами с повешенными стрельцами, а само стрелецкое войско подверглось «раскасованию», то есть ликвидации: часть стрельцов была влита в солдатские полки, а большую часть отправили на службу в окраинные города, где некогда привилегированное войско подверглось унижению и грабежу ненасытных воевод и алчных стрелецких полковников. Сколь беспросветным и несправедливым было недовольство стрельцов, свидетельствует бунт в Астрахани.

Второй прослойкой общества, в которой царил дух сопротивления реформам, было духовенство — как черное (монашество), так и белое (священники, диаконы и прочие «церковные люди»). Малообразованное (среди священников было немало неграмотных), подверженное суевериям, цепко державшееся за вековые традиции, воспитанное на неприязни к Западу, оно болезненно воспринимало все нововведения и, оказывая пассивное сопротивление преобразованиям, тлетворно влияло на паству. Отмена патриаршества задевала интересы прежде всего церковных иерархов, но и у монастырской братии были серьезные основания для недовольства церковной политикой Петра. В 1701 году была проведена частичная секуляризация церковных владений, что неблагоприятно сказалось на материальном положении черного духовенства, обязанного делиться своими доходами с государством: вместо бесконтрольного расходования поступавших от монастырских крестьян повинностей монахи должны были довольствоваться отпускаемыми на содержание каждого из них 10 рублями и 10 четвериками хлеба в год. В 1705 году эта норма была уменьшена вдвое.

Петр принудил духовенство, наравне с прочими сословиями, служить государству. Сначала это проявлялось в форме

мобилизации в пользу государства значительной части материальных ресурсов монастырей и епархий, а после отмены секуляризации в 1721 году — в обязанности содержать уволенных от военной службы инвалидов, а также организации при монастырях епархиальных училищ. На смену праздной жизни монахов пришли ранее невиданные заботы, сытый и обильный стол сменила скудная трапеза.

Третьей силой, активно выступавшей против преобразований и ненавидевшей царя, были старообрядцы. Они изначально выступали против всякого рода новшеств в церковном обиходе. Но при Петре новшества вышли далеко за пределы церковной обрядности, поскольку государство властно вторглось в хозяйственную, духовную, семейную жизнь подданных, навязывая им новые обычаи, новую одежду, новые повинности и т. п.

Государство с самого возникновения старообрядчества подвергало его преследованию и активно поддерживало официальную православную церковь. Старообрядцы отвечали на преследования бегством в недоступные для правительственной администрации глухие места, а также «гарями», во время которых гибли тысячи людей, видевших в самосожжении средство спасения от еретиков.

При Петре старообрядчество было легализовано. Хотя за отступничество от подлинной веры раскольники не подвергались преследованию, они должны были платить двойной налог (поэтому их называли двоеданцами) и облачаться в придуманную царем странную одежду, долженствующую вызывать у остального населения насмешку.

Заметим, что названные группы населения отчасти переплетались между собой: так, подавляющая часть стрельцов в силу своей оппозиционности к правительству придерживалась учения старообрядцев.

Всех хулителей Петра объединяла одна общая черта — отсутствие, если так можно выразиться, конструктивной идеи, очевидный консерватизм, цепляние за старину, протест против всякого рода новшеств. Объективно противники преобразований, к какому бы толку они ни относились, защищали косность, приверженность к традициям и старине, что обрекало страну на отставание, на неизменность обветшалых форм государственного устройства, структуры вооруженных сил, отсутствие светского образования.

Сразу же возникает вопрос, сознавали ли критики реформ последствия своих воззрений на дальнейшую судьбу страны, находили ли они в сближении с еретическим Западом, за которое ратовал царь, что-либо позитивное, по-

лезное для страны и ее будущего? На поставленные вопросы мы должны дать отрицательные ответы — перед нами чистой воды фанатизм, полное отрицание рациональных начал, чувство обреченности, слепое отклонение всего нового только на том основании, что оно возникло не на родной почве, а на Западе, пытающемся навязать православия свою еретическую скверну. После этих предварительных замечаний перейдем к изложению конкретных представлений об образе Петра Великого у противников преобразований.

Самое радикальное неприятие реформ и реформатора обнаруживаем в учении о приходе антихриста. По сути это учение не ново, оно возникло одновременно со старообрядчеством в середине XVII столетия и первоначально ассоциировалось с именем патриарха Никона. После смещения Никона с патриаршества учение об антихристе затихает, и импульс его распространению дает царствование Петра Великого с его пристрастием к Немецкой слободе, поездкой за границу, казнями стрельцов, приязнью к иноземцам, бритью бороды, внедрению в быт платья иноземного покроя и т. д. Находились смельчаки, открыто называвшие Петра антихристом и пророчившие близкую кончину мира.

Наиболее яркой личностью, проповедовавшей близкую кончину жития в грешном мире в связи с появлением антихриста в лице Петра I, был переписчик книг Григорий Талицкий. Ранее его ошибочно считали представителем старообрядчества, но теперь точно установлено, что он никакого отношения к этому движению не имел — его не интересовали такие фундаментальные для старообрядцев проблемы, как двухперстное или трехперстное знамение, трегубая аллилуйя и пр. Основы своих идей он изложил в тетрадке, где доказывал, что грехопадение людей выражалось в таких вводимых Петром новшествах, как перемена летосчисления, ношение немецкого платья, бритье бород и курение табака. Подобные новшества свидетельствуют о кончине мира, причем апокалипсис наступит при «осьмом» по счету царе, каким и являлся Петр I.

Самое опасное для правительства в тетрадке Талицкого состояло в запрете народу слушать антихриста-царя, платить подати и выполнять государственные повинности, а также в намерении свергнуть царя с престола. Сначала Талицкий читал свое сочинение знакомым, которые тут же соглашались с его взглядами, а затем решил напечатать его и «бросать в народ безденежно». Осуществить это намерение он не успел — 28 июня 1700 года певчий Федор Казанец донес в

Преображенский приказ, что Талицкий говорит о государе «чего и слышать невозможно» и «режет неведомо какие доски, а вырезав, хочет печатать тетради, а напечатав, бросать в народ».

Руководитель Преображенского приказа князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский вполне оценил опасность распространения учения Талицкого и тут же велел взять его под караул. Но Талицкий, кем-то предупрежденный о предстоящем аресте, успел скрыться. Он был пойман только в августе. Началось следствие, к которому Ромодановский привлек всех лиц, общавшихся с проповедником, в том числе князя И. И. Хованского и епископа Тамбовского Игнатия, лишённого епископского сана и признавшегося в том, что разделял взгляды обвиняемого. Главные обвиняемые, среди которых на первом месте стоял Талицкий и два его сообщника, были приговорены к самой мучительной казни — «копчению», то есть сожжению на костре¹.

Устрашающая расправа с Талицким и его единомышленниками не прекратила толков о Петре I как царе-антихристе, в особенности после дела царевича Алексея. В народе ходили слухи: «царь не прежний царь, а антихрист, приводил царевича в свое состояние и он его не послушался и за то его и убил». Идеи, близкие мыслям Талицкого, распространял безвестный автор сочинения, также вещавший о близкой кончине мира, о пришествии антихриста в лице Петра I. Говорилось здесь и о тяготах простого народа в связи с Северной войной, о том, что среди народа воцарилась «скорбь великая, плач, рыдания горькие и боязнь нестерпимая». Автор, видимо, принадлежал к старообрядцам, ибо осуждал иноземные обычаи, зарубежное платье, бритьё бород и т. д.² Исследователь П. С. Смирнов относит проповеди анонимного автора к 1710 году.

Горячим сторонником старообрядческого движения был духовник фаворита царя князя А. Д. Меншикова Лебедка. Он также разделял учение о пришедшем на землю антихристе: «Петр — антихрист. Он сына своего не пощадил, бил его и царевич не просто умер. Знамо, что де государь его убил, понеже он, царевич, в городе (крепости. — Н. П.) содержали».

Душевнобольной капитан Левин, которому разрешили постричься в монахи, в минуты просветления вещал: «Последнее время пришло... Ныне у нас не царь, а антихрист — заставляет нас, монахов, есть мясо и с женами жить...» Не ограничиваясь беседами с ближними, бывший капитан влез на базаре в Пензе на мясную лавку и кричал собравшемуся

народу: «Послушайте, христиане, послушайте! Много лет я служил в армии у генерала майора Гавриила Семеновича Кропотова... Меня зовут Левин... Жил я в Петербурге, там монахи и всякие люди в посты едят мясо и меня есть заставили. А в Москву приехал царь Петр Алексеевич, он не царь Петр Алексеевич, а антихрист!» Посадский города Москвы Кузьма Андреев называл Петра не только «лукавым антихристом», но и причислял к нему господ всех, «которые при милости государевой антихристовыми слугами». Поп Борис из Терюшской слободы, что близ Симбирска, в 1723 году называл Петра «антихристом, мучителем, христианским гонителем, часовенным разорителем, какой де он царь, что и в пост мясо ест, а нынешние де власти его не обличают»³.

По иной версии, распространенной в Нижегородской губернии, крестьянин Петр Иванов утверждал, что «антихрист де ныне есть и стал быть с Рождества Христова тому ныне пятый год. Насел перед Рождеством Христовым с пятницы на субботу и живет ныне в Московском государстве, и сидит ныне на царстве».

Среди раскольников была распространена молва о печати антихристовой, которую якобы накладывали на всех, обращенных в веру антихриста. Поводом к молве послужило письмо Петра I к Я. Ф. Долгорукому, повелевавшее отправляемых на театр войны рекрутов не ковать в колодки, а ставить клеймо на левой руке в виде четырех точек, наколотых иглой и натертых порохом. В официальных документах этот знак назывался рекрутским пятном, а среди раскольников — «пятном антихриста»⁴.

В подметном письме, сочиненном, надо полагать, представителем православного духовенства, рассказывалось, что немцы и немки «обольстили царя Петра Алексеевича в костельную веру» путем добавки в еду, питье и воздух нечистых духов, которые «царем де Петром трясут, в ноги вступят, ломают...».

О царе-антихристе говорили и крестьяне, правда, значительно реже. Крестьянин Старцев в 1703 году рассуждал: «Какой де это царь, он де антихрист, а не царь, царство свое покинул и знаетца с немцы и живет все в Немецкой слободе, в среду и в пятку ест мясо. Инова де антихриста не ждите, тот де он антихрист». А вот еще одна версия происхождения антихриста, тоже распространенная в крестьянской среде: «Государя де царя Петра Алексеевича и государя цареви́ча на Москве нет, изведены, извели бояре, да немцы, вместо него царствует антихрист».

Еще одно громкое дело возникло в конце царствования императора и завершилось уже после его смерти. Связано оно с дьячком церкви Успения Пресвятой Богородицы Степаном Выморковым. Впрочем, его убеждения не отличались твердостью и постоянством — весь уклад его жизни, как и взгляды, подвергались резким колебаниям.

У дьячка, принадлежавшего к молодым людям, проявлявшим любознательность, и слывшего начетчиком, постепенно созревала мысль, что нынешний царь — антихрист. К этой мысли привели его разнообразные новшества, введенные царем, и прежде всего брадобритие. Последнее он возненавидел в такой мере, что даже отказался от посещения церкви на том основании, что там присутствовали мужчины, обрившие бороды.

В 1722 году, преодолев многочисленные преграды, в частности указы, запрещавшие пострижение в монахи молодым людям, Выморков стал монахом Самуилом и оказался в окружении братии, которая, как он полагал, безоговорочно воспримет его убеждения, что страной правит царь-антихрист. Не разделявших его взгляды он причислял к слугам антихриста и даже написал обращенное к священнослужителям сочинение, в котором убеждал их, что они служат не законному монарху, а антихристу.

Надежды старца Самуила на то, что монастырская братия воспримет учение об антихристе, не оправдались, поскольку за православным исповедованием строго следили специально для этого назначенные инквизиторы. Тогда Выморков вместе со своим учеником решил уйти из монастыря, чтобы распространять учение об антихристе среди мирян. Первыми слушателями горячих проповедей Самуила стали монастырские крестьяне села Избердей. Успеха и здесь он не достиг и решил вернуться в Тамбов в лоно семьи, а затем в монастырь. Здесь он был подвергнут жестоким истязаниям за бегство, что дало ему повод вновь бежать из монастыря и вести бродячую жизнь, убеждая всех, что царь принял образ истинного пастыря, чтобы прельстить овец, а затем искоренить церковь Божию.

Странствуя по донским станицам, Самуил встретился с другим начетчиком, убедившим его в ложности представлений о Петре как антихристе. Впечатлительный Самуил воспринял мысли наставника и превратился в горячего сторонника преобразований. Он вернулся в монастырь и стал проповедовать, что Петр не антихрист, не подложный царь, а подлинный благочестивый монарх.

Спустя несколько месяцев Самуил оказывается в Моск-

ве, в Спасском монастыре, где должен был учиться. Здесь он в очередной раз меняет свои убеждения. Поводом послужили личные наблюдения над отнюдь не беспорочной жизнью братии в старой столице — пьянством, распутством, ханжеством; виной всего этого он считал реформы Петра, которого вновь зачислил в антихристы. В этой мысли его подкрепило замужество собственной супруги, что считалось великим грехом, в котором он тоже винил Петра. Раздраженный Самуил во время богослужения иступленно называл царя антихристом и разорителем монастырей.

Петра Великого уже не было в живых, когда Самуил написал сочинение «Проклятие во след ушедшему в ад антихристу». Монах полагал, что козь антихриста нет в живых, то ему ничто не грозило, но ошибся. Его взяли под стражу и когда вели в тюрьму, он выкрикивал ругательные слова в адрес умершего.

Сенат распорядился подвергнуть проповедника жестоким пыткам — помимо 40 ударов кнутом, ему жгли спину веником — после чего он чистосердечно поведал о своих заблуждениях и написал повинную. Это, однако, не спасло его от сурового приговора: ему отрубили голову, которую затем заспиртовали, отправили в Тамбов и воткнули на кол для всеобщего обозрения.

К идее о царе-антихристе примыкала другая идея — о подмененном царе Петре. Нами ныне правит не подлинный царь Петр Алексеевич, родившийся от царского корня, говорили сторонники этой версии, а подмененный человек: по одной версии — бусурманин, по другой — еретик. Иона Кириловец, дьякон Чудова монастыря, распространял в 1702 году молву, за которую оказался в застенках Преображенского приказа: «Государь де не царь и не царского поколения, а немецкого... Когда были и у государыни царевны Натальи Кирилловны сряду дочери и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее, царицу, разгневался: буде де ты мне сына не родишь, тогда де я тебя постригу. А тогда де она, государыня-царица была чревата. И когда де приспел час ей родить дщерь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из Немецкой слободы младенца мужеска полу, из Лефортова дворца...»

Молва о подмененном царе имела довольно широкое распространение, причем ее можно было услышать в отдаленных один от другого районах. В Нижегородской вотчине Л. К. Нарышкина крестьянин Ф. Васильев «великого государя учал бранить матерны да этак, какой де он царь, он де вор, крестопреступник, подменен из немцы, царство свое

отдал боярам, а сам обусурманился и пошел по ветру с немцы, в среду и в пятницу и в посты сряду ест мясо. Пора де ево на копыя, для того де идут много к Москве донские казаки»⁵.

Об этой же мысли, но с иными подробностями толковали бабы: «Какой де он царь! Родился от немки беззаконной, он замененный, и как царица Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему говорила: «Ты де не сын мой, замененный». Он велит носить немецкое платье — знатно, что родился от немки». По другой версии царь был подменен во время своего путешествия за границу, после которого стали вводить новшества. Когда царь приехал «в Стекольное царство (Стокгольм. — *Н. П.*), которым правила девица, она ставила его на горячую сковороду и сняв с сковороды, велела его бросить в темницу». После того как бояре и князья убедились, что он «томен» и доложили об этом девице, она велела: «Коли томен и вы его выньте». Петр возвратился на родину, и бояре решили поместить его в бочку, но об этой опасности предупредил царя стрелец и лег в его постель, «и бояре пришли и того стрельца с постели схвата и положи в тое бочку, бросили в море». В конечном счете подмененный царь, согласно сказке, погиб, а его место занял немец. Сказка завершается выводом: «Это не наш государь, немец, а наш царь в бочку закован, да в море пущен».

Крепостные крестьяне вневских вотчин тоже считали Петра подмененным, но при иных обстоятельствах: «Государь де не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамок, в малых летех, а вместо ево подменили инова. Немцы лукавы, лик под лик подводят». Посадский человек из села Лыскова, что близ Нижнего Новгорода, Ларион Зломан распространял свою версию подмены царя: «Какой де он государь, он де не государь, немчин. Государь де ездил в Стекольное, попал там в неволю, и ныне де он, государь, в неволе, в Стекольном, а вместо ево к Москве прислан немчин, а к тому де немчину и сестра приехала из немецкой земли и ныне она на Москве».

Все рассказы о царе — антихристе и о царе — подмененном немце отличаются крайней примитивностью, отсутствием аргументов в пользу той или иной версии. Они рассчитаны на фанатизм проповедников и их слушателей, но подоплека у них одна — это вопль народа темного, забитого, придавленного гнетом многочисленных налогов и повинностей. В большинстве сказаний отсутствуют какие-либо призывы, ничего не говорится о том, как выправить положение,

в них лишь проявляется недовольство, облеченное в религиозную форму. Лишь в немногих высказываниях на первый план выдвинуты не религиозные, а социальные мотивы. Последние в большей мере проявлялись в неосторожных разговорах крестьян, приводивших их в застенки Преображенского приказа.

«Годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие, а ныне пришел указ с нас же взять за ветчинное сало по рублю с двора. А промыслов у нас нет, Бог знает, неведома как стало и быть, чем заплатить. Да у нас же де взяты на Воронеж на вечное житье плотники и от того де в волости иные дворы остались пусты...» «Годы де стали тугие, а в подводах только повертывайся. Какой де это царь, он де не царь — мироедец. Выел свое царство все, а если де долго не изведетца, и он де выест мирской и корень». Подобные разговоры велись в Московском, Тульском, Переславль-Рязанском, Тверском, Новгородском и других уездах. Крестьянин Никитин говорил: «Какой он государь, царицу свою в ссылку сослал, а стрельцов всех перерубил, а ныне де стал и нас разорять, берет даточных», и бранил государя нецензурными словами. Изредка встречались рассуждения о том, что богатства страны, ее благополучие и военные успехи достигались трудом крестьян, оказавшихся обделенными царем: «Кабы де нас не было, так бы де и ево государя не было». Крестьянин Ф. Арметьев размышлял вслух: «Вот де я взял за дрова девять рублей, а денег у рук не видал, отдал в подати. Стали де подати тяжелы. Государь завоевал многие города, а крестьянам льготы нет»⁶. Помещичий крестьянин делился мыслями с односельчанами: «Государь всю свою землю выпустошил, остались де только душой да телом... Государя де на Москве нет. Семь лет в плену, а на царстве сидит немчин. Вот де тысячи с четыре стрельцов порубил. Есть ли б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошать». Крестьянка из подмосковной деревни тоже роптала на опустошение хозяйства: «Какой де он царь, он де их, крестьян, разорил з домами, мужей их побрал в солдаты, а нас де с детьми осиротил и заставил плакать век»⁷. Иногда поступки и неразумные действия царя собеседники объясняли отсутствием у него ума: «Знать де у него, государя, ума нет, немец де жалуется, а своих де разоряет».

На увеличение налогов жаловались и священники. Летом 1704 года поп Иван Никитин, имевший приход на Украине, жаловался собеседнику: «Бог де знает, что у нас в царстве стало. Украина де наша пропала вся от податей, такие де подати стали уму непостижны, а ныне де и до нашей

братьи священников дошло. Почали де иметь с нас з бань, со пчел, с изб деньги, а до того де наши прадеды и отцы не знали и не слыхали». А все оттого, что царством правит антихрист.

Черное духовенство тоже выражало недовольство порядками управления монастырскими вотчинами, наступившими после 1701 года. Нижегородский митрополит Исайя упрекал поручика Тютчева, прибывшего для расследования какого-то дела в его епархию: «Ты де овца, вам ли де овцам про нас пастырей разыскивать. Боярин де Иван Алексеевич Мусин-Пушкин напал на церкви Божии, вотчины наши ведет, а ныне де у нас и данные и вечные деньги отнимает. И есть ли де те зборы у меня отнимут, и я де в своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое де мое архиерейство, что мое у меня отымают, как хотят. А я за свое умру, но не отдам».

Особый протест вызывало брадобритье и замена старорусской одежды западно-европейскими платьем и обувью. Эти новшества затрагивали интересы самой многочисленной прослойки населения, включавшей армию, флот, чиновников, дворян, посадских людей, а также крестьян, въезжавших в город и выезжавших из него.

Русский человек легче расставался с длиннополым платьем, чем с бородой. Объяснялось это тем, что бороде придавалось религиозное значение. Патриарх Адриан в 90-е годы XVII века разослал две окружные грамоты, осуждавшие брадобритье, что свидетельствовало о том, что оно уже тогда стало проникать в быт верхних слоев общества. Борода объявлялась символом святости — Иисус Христос, все апостолы и канонизированные святые носили бороду, она дана мужчине Богом, «яко благолепие», которого была лишена женщина, существо несовершенное и подчиненное; жена, «зрящи мужа своего красоты и совершенства», заложенные в бороде, «да будет смиренна всему и покорна».

В первой окружной грамоте патриарх пытался убедить паству, не прибегая к угрозам. «Ужели вы считаете, — обращался он к православным, — красотой брить бороды и оставлять одни усы. Но так сотворены Богом не человек, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться скотам бессмысленным или смешаться с еретиками, которые в такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригут бороды и усы и от того видятся подобны кификам или обезьянам». Грамота завершалась призывом к православным: «Не приемлете сего злодейского намерения, но гнушайтесь им как некою мерзостью».

Но первая грамота не дала желаемых результатов. Тогда патриарх повел более решительное наступление на брадобритие, не скупясь на резкие слова и угрозы. Какими только презрительными эпитетами патриарх не награждал брадобритие: мужчины, лишившиеся бороды, уподоблялись «женам блудовидным», бритье бороды объявлялось «гнусным делом», сбрившие бороду отлучались от церкви, с ними запрещалось общаться, брадобритие объявлялось «безумством пребеззаконным». Грехом объявлялось пользование накладными волосами, то есть париками, использование для натирания лица различных мазей и «воней»⁸.

На второй день после возвращения Петра из-за границы, рано утром 26 августа 1698 года, в Преображенское прибыли бояре, чтобы поздравить царя с благополучным возвращением. Действия Петра привели их в состояние шока. Вопреки увещаниям патриарха о значении бороды царь самолично обрезаб бороды сначала у генералиссимуса А. С. Шеина, а затем у князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. Через несколько дней процедура повторилась: на этот раз бороды обрезаб царский шут у всех явившихся на пир к Шеину.

В начале 1700 года последовало еще одно новшество: указ 4 января велел всем боярам, дворянам, приказным, служилым людям в Москве и в городах «носить платье венгерское, кафтаны верхние длиною по подвязку, а исподнее короче верхних тем же подобием». В конце августа того же года в Москве были выставлены чучела, обряженные в платье нового образца. В 1701 году последовал новый указ, обязывавший не только городских жителей, но и деревенских, приезжавших в город, «носить платье немецкое, верхнее саксонское и французское, а исподние камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие, и ездить в немецких седлах; а женску полу всех чинов, также попадьям и дьяконницам, и церковных причетников и драгунским и солдатским и стрелецким женам и детям носить платье и шапки и кунтуши, а исподнее бостроги и юпки и башмаки немецкие». Старорусскую обувь и одежду запрещалось изготавливать и продавать, а с невыполнявших указ надлежало взysкивать штраф: с пеших по 13 алтын 2 деньги, а с конных — по 2 рубля⁹.

Английский инженер капитан Джон Перри оставил описание процедуры брадобрития и укорачивания национальной одежды и сообщил об отношении населения к новшествам: «Русские имели обыкновение наподобие древних патриархов носить длинную бороду, спускавшуюся по грудь;

они гордились бородами, расчесывали их, приглаживали, заботились о красоте их и старались сохранить в целости каждый волосок.

Русские положительно питали некоторого рода религиозное уважение к своим бородам, тем более что это ставило различие между ними и иностранцами, а священники поддерживали их в этом обычае, приводя в пример то, что все благочестивые мужи в древности носили бороду, согласно тому, как на иконах изображают святых».

Будучи в Воронеже, Перри встретил уважаемого им плотника, шедшего из цирюльни, где его лишили бороды. Плотник заявил, что он несет обрзанную бороду с собою, прячет ее и велит, когда умрет, чтобы бороду положили в гроб для того, чтобы он мог дать отчет о ней святому Николаю. Он добавил, что и остальные плотники поступят подобным же образом. Случалось и так, что царь иногда приказывал «вырвать бороду их с корнем и уничтожить их таким грубым способом, что вместе с волосами оторвется и кожа».

Значительно легче, чем с бородой, расставались с длиннополым платьем. Владельцы старорусской одежды становились «на колени у городских ворот, чтобы кафтан его обреза́ли в уровень с землею и окоротили на всю ту длину, которая окажется лишнею против его роста, когда он стоит таким образом на коленях. Подобным образом было окорочено несколько сотен кафтанов. Так как все это делалось добродушно, то и вызывало веселость в народе и вскоре уничтожили обычай носить длинные кафтаны, в особенности в местностях, смежных с Москвой, и в других городах, где проезжал царь»¹⁰.

Впрочем, как следует из показаний источников, укорачивание платья не всегда сопровождалось таким весельем, какое описывает Перри. Ропот против нововведений раздавался повсюду: в городах и монастырских кельях, в скитах старообрядцев и в стрелецких слободах, среди белого духовенства и на городских рынках. Неосторожные порицатели новшеств, осмеливавшиеся вслух выражать свое недовольство, попадали в застенки Преображенского приказа, где из них пытками и истязаниями выбивали признания, тут же заносившиеся канцеляристами на бумагу. Пыточные речи не всегда регистрировали истину; пытаемые, не выдерживая мук, возводили на себя напраслину, угодную следователям, но в целом они отражали дух недовольства и протеста против новшеств.

В 1704 году старец Симонова монастыря в Москве Захарий рассуждал: «Вот ныне затеяли бороды и усы брить, и

прежде всего этого не бывало, какое это доброе? Вот ныне табак пьют». В Преображенском приказе отмечен диалог по- па с дьяконом, происходивший в Олонецком уезде. Разговор начал дьячок: «На Москве ныне изволил государь летопись писать от Рождества Христова 1700 года, да платья носить венгерские». Священник подхватил: «Слышал я в Вологде, что и великого поста неделя убавлена и после Светлого Вос- кресения и Фоминой недели учнут по вся меж говенья в среды и пятки мясо и млеко ести во весь год». Дьячок отве- тил: «Как эти указы будут присланы к нам в погосты и бу- дут люди по лесам жить и гореть, пойду и я с ними жить и гореть». Желание «жить и гореть» выразил и священник: «Возьми и меня с собою, знатно, что ныне житы к концу».

Поведение одного изветчика удивило даже выдавшего ви- ды князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского: однажды к нему в Преображенский приказ караульные солдаты привели ниже- городца Андрея Иванова, объявившего «слово и дело», с жа- лобой на самого царя. Суть его обвинения: «Государево де- ло за мною такое: пришел я извещать государю, что он раз- рушает веру христианскую, велит бороды брить, платье но- сить немецкое и табак велит тянуть». Иванов, конечно же, знал, какие его ждут испытания, но фанатизм преодолел все преграды и изветчик после многократных пыток умер в за- стенке¹¹.

Троицкий поп Никифор в 1700 году донес на священни- ка того же прихода Викулу Федотова за то, что тот отказал- ся причащать солдата Парфенку Миронова на том основа- нии, что солдат явился к нему бритым. Поп спросил: «Для чего бороду выбрил?» «Хорошо б де и его, Викулу спросил для того, что он, Парфенка, ему сын духовный; и ко кресту его в то число не пустил». После молебна вновь не пустил к кресту, бранил и выговаривал: «Для чего ты бороду бреешь?» Солдат отвечал: «Нам де ныне и государь не запрещает брить бороды», «и поп Викула называл его врагом и бусур- манином».

Историки вправе сомневаться в успешности выполнения петровских указов о брадобритии и замене платья. Осно- вание для скептицизма дают два, правда, косвенные свиде- тельства источников. В одном из них, анонимном, найден- ном в 1708 году и обращенном к царю, неизвестный автор упрекает бояр и их жен в несоблюдении названных указов: «Да они же бояре другому указу не послушны учинились: об русском платье. Как ты придешь к Москве и то при тебе хо- дят в немецком платье, а без тебя боярыни жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогреях, а поверх на-

девают юбки, а в церквах в одних телогреях стоят, а на головах носят не шапки польские, а неведомо какие дьявольские кимилавки, а все, ругаячи указ твой, государь, шапок и фонтанжев (головных уборов. — *Н. П.*) не носят, а буде на ком увидят шапку или фонтанж и они ругают и смеются и называют недобрыми женами тех, кто ходит супротиву твоего указу». Изветчик перечислил жен, носивших русские платья, мужа всех принадлежали к ближайшему окружению царя: Алексей Салтыков, князь Петр Долгорукий, Иван Мусин-Пушкин и др.¹²

Чем руководствовался автор письма, когда не решился его подписать, — неведомо. Быть может, стремлением помочь царю ввести новшества или намерением уличить бояр, чем-то насоливших изветчику, но скорее всего опасностью оказаться на дыбе, ибо практика того времени прибегала к пыткам не только уличаемого в преступлении, но и самого доносчика.

Другим свидетельством отсутствия у подданных рвения неукоснительно выполнять царские указы о брадобритии и немецком платье следует считать их периодическое повторение с ужесточением мер наказания за невыполнение. Несохранившийся указ 1713 года запрещал во всех городах торговать русским платьем и сапогами. О существовании этого указа мы узнаем из закона, обнародованного 29 декабря 1714 года и подтверждавшего указ предшествующего года, причем за торговлю русским платьем и ношение бороды устанавливалось жестокое наказание, ссылка на каторгу и конфискация движимого и недвижимого имущества. Указ 1 сентября 1715 года запрещал продавать сапоги и башмаки, подбитые скобами и гвоздями, и тоже угрожал торговцам ссылкой на каторгу и конфискацией имущества¹³.

О серьезном недовольстве брадобритием и ношением иноземного платья свидетельствуют события в Астрахани в 1705—1706 годах. После подавления очередного стрелецкого бунта часть стрельцов была сослана в окраинные города, в том числе в Астрахань. В 1705 году здесь числилось не менее 3500 стрельцов и солдат, из которых в пяти стрелецких полках значилось 2500 человек.

Подлинной причиной бунта следует считать ухудшение материальных условий жизни стрельцов и утяжеление их службы. Опальные стрельцы подвергались безнаказанному грабежу со стороны воеводы, приказных служителей и полковников: их подвергали за малейшие провинности жестоким истязаниям, присваивали причитавшееся им жалованье, использовали их труд для личных нужд. Поводом же послу-

жило жестокое исполнение воеводой царского указа о введении новшеств: специальные команды обрезали у встречных на улице бороды и укорачивали кафтаны, причем борода нередко не обрезалась, а вырывалась с кожей, что и переполнило чашу терпения стрельцов и солдат. Многочисленные источники в один голос называют причиной бунта вводимые новшества. За неделю до его начала договорились «меж собою о том, чтоб учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру и за правду постоять, и усов и бород не брить и немецкого платья не носить». В обращении к донским казакам от 31 июля 1705 года стрельцы призывали донцов присоединиться к их движению: «Ведомо мы вам чиним, что у нас в Астрахани учинилось за веру христианскую и за брадобритие и за немецкое платье и за табак. И что к церквам Божиим нас и наших жен и детей в русском старом платье не пускали, а которые в церковь пойдут и у тех, у нашего мужского и женского полу платье обрезывали и от церквей отлучали и выбивали вон и всякое ругательство нам и женам нашим и детям чинили и болванам кумирским велели поклоняться». В повинной челобитной Петру астраханцы ссылались на те же причины: по приказу воеводы «у мужска и женска полу русское платье обрезывали не по подобию и обнажали перед народом, и всякое ругательство над ними и женским и над девичьим полом чинили, и от церквей отбивали, и их били, и усы и бороды, ругаячи, обрезывали с мясом»¹⁴.

Личность Петра и отношение к его преобразованиям находили отражение и в изобразительном искусстве. Позволим себе остановиться на единственной в своем роде народной сатире на царя, известной под названием «Мыши кота погрыбают». Как считают специалисты, она появилась в старообрядческой среде. Из многочисленных намеков следует, что под котом подразумевался Петр I. Коту присвоен титул, отчасти пародирующий царский: «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский»; кот был «знатный подпивало и великий объедало» — намек на причастность царя к всепьянейшему и всешутейшему собору; одна из надписей утверждает, что кот находился в близких отношениях с чухнами и всем чухонским (чухонка — вдова Маланья — намек на Екатерину I); еще одна надпись утверждает, что «кот был нрава крутого» (по целому мышонку глотал); утверждение подкреплено и другим доказательством: около дровен идет множество сильно искалеченного им народа — у кого рыло отшиблено, кто поранен им, кто принужден на костылях брести.

Мыши собраны со всей России: с Татарии, Дона, Рязани, Москвы и т. д. Наконец, еще два признака, сближающих царя с котом: похороны происходят зимой, причем дровни везут шесть мышей — ровно столько лошадей везли гроб Петра; кот умер согласно надписи «в серый четверг» в шесто—пятое число. Петр действительно скончался 28 января 1725 года.

По замыслу художника сатира должна была отразить радость подданных в связи с кончиной царя-преобразователя, при котором мыши терпеливо сносили произвол кота.

2. ПАНЕГИРИСТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Было бы, однако, ошибкой полагать, что образ царя, запечатленный в пыточных речах, является адекватным отражением его личности и деяний в сознании народа. Оспаривать тезис, что преобразования, двигательной силой которых была изнурительная война, производились за счет жертв, понесенных народом, не приходится. Какая часть народа осуждала Петра, определить практически невозможно, как невозможно назвать процент населения, одобрявшего его нововведения. Одно можно сказать с уверенностью — вторых было значительно больше, чем первых. Народу, конечно же, импонировало, что бремя войны и повинностей вместе с ним тянул и царь — это он находился в пекле сражений, не жалея живота своего, это он одерживал блистательные победы над сильным неприятелем, это он странствовал по бездорожью России, а также в столицы западно-европейских дворов, чтобы возвести страну в ранг европейских государств, это он, наряду с другими кораблестроителями, работал топором, овладел в совершенстве кораблевождением и артиллерийским делом, фортификацией и градостроительством. Импонировали народу простота царя, его неприхотливость, умение, напрягая волю, физические и нравственные силы, преодолевать препятствия.

Вот почему ни об одном монархе России народная молва не оставила такого количества рассказов, восхваляющих его, как о Петре Великом. Это уникальное явление легко объяснимо: ни один монарх и ни одна монархиня не отличались такой одаренностью, как Петр I, ни один представитель царствующей династии не нарушал традиций придворного быта так, как Петр: лица, занимавшие трон и до, и после него, все, как один, строго придерживались церемоний своего поведения от пробуждения до отхода ко сну, от обеда до повседневных и торжественных выходов из

дворца, от отношений с придворными до приема иностранных послов, от поведения в храме до поведения во время праздничных ходов и молебствий. Все эти церемонии, заимствованные из византийского обихода, ведут начало от Ивана III. Со временем они совершенствовались, сопровождались большей пышностью и торжественностью, подчеркивавшими неземное происхождение монарха и Богом данную ему власть над населением. Все подданные, начиная от боярина и кончая последним селянином и горожанином, являлись холопами царя, обязаны были оказывать ему внешнюю покорность и раболепие, падать ниц или гнуть спину при его появлении.

Время Петра Великого — время крутой ломки старых традиций, время европеизации России, когда византийский придворный быт сменялся европейским. Но дело не только в преобразованиях, совершенных Петром во всех сферах жизни общества. Дело еще и в характере царя, придававшем его поведению особый колорит. Если бы не особенности характера Петра, то, вероятно, простота придворного быта и отношений с окружающими была бы воспроизведена его преемниками. Этого, однако, не случилось — прежняя пышность и торжественность сохранились, но они приобрели вместо церковного светский характер, вместо восточной пышности европейскую чопорность.

Коротко особенность поведения Петра можно определить формулой: царя, как неземного существа, сменил земной человек, во многом напоминающий простого смертного. Было бы, однако, ошибкой интерпретировать эту формулу как отказ царской власти от атрибутов самодержавия и даже деспотизма. Законность совершала лишь робкие шаги, и Петр вопреки своим призывам неукоснительно соблюдать законы сам же нарушал их, подгоняя свой произвол под закон, как то, например, было в деле царевича Алексея, бывшей супруги Евдокии Лопухиной или фаворита Екатерины Алексеевны Вилима Монса. Тем не менее многое в поведении Петра удивляло современников, не только русских, но и иностранных, и оставило своей неординарностью, диковинностью зарубку в их памяти.

Разве не могло удивлять современников личное участие Петра в чине бомбардира в осаде Азова, а затем торжественное шествие войска по улицам Москвы, в котором рядовой бомбардир, ставший капитаном, возглавлял роту, шагая с протазаном на плече. Толпу любопытных, как было отмечено в своем месте, удивляло не столько это обстоятельство, сколько главнокомандующий Шеин, важно восседавший в

роскошной карете, окруженный многочисленной свитой. Отца Петра, как только тот покидал покои дворца, сопровождали бояре в таком же парадном одеянии, как и у самого царя, а также эскорт стрельцов. Сын же не гнушался ездить в двуколке без свиты и охраны. Разве жители столицы могли наблюдать царя Алексея Михайловича за тушением пожара — а сын его отдавался этому занятию самоотверженно, подавая остальным пример борьбы с огнем.

Предшественники Петра не покидали родной страны. Конец затворничеству в границах государства положил Петр. Удивления достойно, что царь, отправляясь в 1697 году за границу, не возглавил великое посольство, а затерялся в его составе в качестве десятника волонтеров под именем Петра Михайлова. Но даже не это обескураживало современных наблюдателей: царь, приобретя экипировку простого плотника, с усердием трудился над сооружением корабля и наряду с прочими, обучавшимися корабельному мастерству, получил диплом, подтверждающий овладение навыками кораблестроителя.

Царь Иван Грозный, как известно, участвовал в осаде Казани и Ревеля. Царь Алексей Михайлович наведывался на театр военных действий во время изнурительной войны с Речью Посполитой за Украину. Но ни Грозный, ни отец Петра не подвергали свою жизнь риску, разбивая роскошные шатры вдали от сражения и осадных работ. Петр и здесь проявил себя новатором и во время двух решающих сражений Северной войны — у Лесной и Полтавы — находился в самой гуще боя, подвергая жизнь смертельной опасности. А разве не врезались в память современников парад войск победителей шведов под Полтавой и последовавший за ним невиданный по масштабности и зрелищности фейерверк?

Физический труд считался зазорным не только для царя, но и для его бояр. Петр игнорировал этот обычай и с полной самоотдачей и рвением овладевал разнообразными ремеслами от плотничьего и кузнечного до ремесла хирурга и дантиста. Стремление все делать своими руками и тем убедить подданных, что он, царь, несет равную с ними физическую и умственную нагрузку и подвергается равной с ними опасности для жизни на поле брани, преследовало воспитательные цели, предоставляло моральное право требовать от подданных громадных жертв.

Петр, в отличие от своих предшественников и ближайших преемников, не ограничивал свои обязанности актом торжественного приема иностранных дипломатов, а вступал

с ними в переговоры, минуя учреждения, ведавшие дипломатией. Так он вел себя во время создания Северного союза, а затем в годы своего второго путешествия за границу на исходе победоносного завершения войны со Швецией. Петр ввел множество новшеств в придворный быт и повседневную жизнь дворян, надо полагать, изумлявших современников. Не все из этих новшеств вызвали одобрение населения, но царь сурово и настойчиво внедрял их в жизнь.

Все сказанное выше нашло отражение в источниках официального происхождения: именных и сенатских указах, донесениях нижестоящих учреждений вышестоящим. Бесспорно, в них можно почерпнуть информацию о преобразованиях Петра, успехах и неудачах, постигших его на этом поприще, но они скупо раскрывают побудительные мотивы его поступков, его суждения по поводу происходивших событий и т. д. Наиболее полно отражают внешний облик Петра и особенно его образ в представлениях современников мемуары иностранцев и донесения иностранных дипломатов, а также два вида источников русского происхождения: анекдоты о Петре Великом и фольклорный материал.

Если дать им общую оценку, то надобно подчеркнуть их существенный недостаток — они отличаются крайним субъективизмом в оценке происходивших событий. Если говорить о донесениях иностранных дипломатов и их мемуарах, то здесь огромное влияние на описание событий и их оценку оказывали отношения между Россией и государством, которое представлял данный дипломат, доброжелательные или неприязненные отношения, сложившиеся между ним и русским царем, его нравственный облик и т. д.

Еще сложнее обстоит дело с анекдотами. Напомним, что в понятие «анекдот» в XVIII веке вкладывалось иное содержание, чем в наши дни. Под анекдотом подразумевался короткий рассказ о реально происходивших событиях, следовательно, анекдот это не выдумка, а быль. Из трех известных в настоящее время собраний анекдотов о Петре Великом только одно принадлежит современнику царя, его токарю Андрею Константиновичу Нартову. В полном виде эти анекдоты были опубликованы в 1891 году под названием «Рассказы Нартова о Петре Великом». Считается, что Нартов закончил написание анекдотов в 1727 году, но они подверглись существенному редактированию его наследниками во второй половине XVIII века. Достаточно беглого знакомства с «Рассказами Нартова», чтобы убедиться в том, что язык рассказов относится не к петровскому, а к екатерининскому времени. Даже в том случае, если редактор от себя

ничего не убавил и не прибавил, слова, вкладываемые в уста Петра, имеют мало общего с языком первой четверти XVIII века. Из этого вытекает, что изречения Петра и прочих героев «Рассказов» не имеют ничего общего с подлинными.

Что касается «Анекдотов» Я. Я. Штелина и И. И. Голикова, то они имеют другой изъян: ни Штелин, ни Голиков не являлись современниками Петра Великого и получали информацию из вторых или даже третьих уст. Штелин появился в России в 1735 году, а Голиков занялся собиранием анекдотов со второй половины XVIII века.

Общим для анекдотов о Петре является их панегирическое содержание. «Наш ирой», как называл Голиков царя, лишен пороков и щедро награжден всем набором добродетелей: он и трудолюбив, и справедлив, и отважен, он заботится о сырых и убогих, он остроумен, склонен к шуткам, снисходителен к человеческим недостаткам, милосерден к врагам, великодушен.

Тщетно искать в анекдотах описание кровавой бойни, устроенной царем взбунтовавшимся стрельцам. Читатель не обнаружит в них и рассказа о пытках сына в присутствии отца. Если иногда в анекдотах и встречаются упоминания о негативных свойствах характера царя, то их составители всегда оправдывают это поведение, например жестокость, крайней необходимостью.

Другой общей чертой анекдотов следует считать их назидательность — Петр действует так, а не иначе, с целью вызвать подражание его поступкам подданными. Наконец, анекдоты подчеркивают демократизм Петра, готовность выслушивать дельные советы не только вельмож, но и простых смертных. Отметим еще одну особенность — никто ни из предшественников, ни из преемников Петра Великого не удостоился такого количества анекдотов, как Петр. О Петре II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне анекдоты практически отсутствуют, а действующими лицами анекдотов о Екатерине II являются вельможи, чиновники, деятельность которых связана с составлением законодательных актов.

Еще один вид источников о личности царя — это фольклорный материал: молва, сказки, предания, повести. Он считается наименее достоверным, в большинстве своем не поддающимся проверке и, следовательно, реже всего используемым историками. Прочной достоверности эти рассказы лишает отсутствие привязанности к определенным событиям во времени и пространстве. Степень достоверности находится также в прямой зависимости от отдаленности

во времени между возникновением сказки, молвы или предания и их регистрации письменными источниками. Фольклорный материал, например, в большинстве случаев регистрировался во второй половине XIX века, то есть отделен от времени возникновения жизнью нескольких поколений, каждое из которых вносило свои коррективы в представления о прошлом в зависимости от представлений о настоящем. Впрочем, для наших целей и этот вид источника представляет известный интерес.

Аналогичной оценке подлежат и песни петровского времени, собранные П. В. Киреевским и опубликованные в 1870 году, то есть спустя более 150 лет после их возникновения. Тем не менее они сохранили дух времени и то восприятие личности царя, в котором просматриваются как положительные, так и негативные свойства его натуры и оценки его действий. Песни возникали преимущественно в солдатской среде, но не исключено и их крестьянское, либо посадское происхождение.

К источникам официального происхождения примыкают сочинения, авторы которых занимали видные посты в правительственном механизме и прославляли деятельность Петра Великого. К ним относятся проповеди духовных лиц («Слова и речи» Феофана Прокоповича; «Полное собрание поучительных слов» Гавриила Бужинского; проповеди Стефана Яворского и др.), а также сочинения исторического плана: Феофана Прокоповича «История имп. Петра Великого от рождения до Полтавской баталии»; П. П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны». Все они носят ярко выраженный панегирический характер, прославляют деяния Петра Великого и подчеркивают его колоссальную роль во всех сферах жизни общества. Анализ их мы опускаем, отмечая лишь один бесспорный факт: они оказали влияние на формирование оценки деятельности Петра I его современниками и их потомками.

И хотя при жизни Петра был опубликован лишь единственный из перечисленных источников — сочинение П. П. Шафирова, а остальные удостоились напечатания только при Екатерине II, проповеди создавали атмосферу почитания императора, прославляли его личность, гиперболизировали его роль в истории России, внушали современникам мысль об исключительности Петра, приписывая все достижения его кипучей энергии и необыкновенным талантам.

Источники частного происхождения, составленные не по заданию царя и правительственных инстанций, можно разделить на несколько видов. К первому из них мы относим

свидетельства современников отразивших ранний период царствования Петра: они описывают время воцарения Петра и связанный с ним стрелецкий бунт 1682 года. Совершенно очевидно, что роль 10-летнего Петра в этих событиях была номинальной, за его спиной действовали другие. Авторы, описывавшие бурные события конца апреля — середины мая, принадлежали к противоположным лагерям: Сильвестр Медведев смотрел на происходящее глазами Софьи и Милославских, а Андрей Артамонов, чей отец стал жертвой бунта, — глазами противников Софьи. Не умаляя общего значения обоих источников, мы должны отметить их ограниченную роль при раскрытии нашей темы, обозначенной в названии главы.

Записки Желябужского охватывают события, протекавшие в течение значительного отрезка времени — от кончины царя Федора Алексеевича до Полтавской баталии. Этот источник для нас не представляет интереса по другой причине — он напоминает дневниковые записки, выдержки из донесений, бесстрастное и лаконичное описание событий и поступков без их оценки, без выражения к ним отношения автора. Отсутствие эмоциональной окраски умаляет значение источника для раскрытия темы. Во многих случаях автор, например, сообщает об истязаниях должностных лиц, но умалчивает, справедливы ли они или, напротив, являются следствием произвола. Сухо сообщает он о взятии Азова, а на победу под Полтавой счел возможным откликнуться письмом Петра к сыну без описания участия в ней царя и общей оценки события в изнурительной Северной войне.

В этом плане наибольший интерес представляет «Краткое описание блаженных дел великого государя, императора Петра Великого, самодержца Всероссийского» новгородского дворянина Петра Никифоровича Крекшина. Среди историков сочинение Крекшина справедливо пользуется репутацией не слишком достоверного источника; на него не принято ссылаться — в нем множество мифов, выдаваемых за подлинные события, изобретенные автором монологи и диалоги, которые не могли произносить действующие лица. Но для нашей темы указанный недостаток оборачивается достоинством — он отражает отношение автора к Петру.

Сразу же оговоримся, Крекшин откровенный панегирист Петра, причем в самом примитивном исполнении. Панегиристом Петра Великого был, например, и И. И. Голиков, но он не умалчивал о негативных сторонах его деятельности, а пытался их оправдать стечением обстоятельств. У Крекши-

на подобный подход отсутствует. Правда, сочинение Крекшина обрывается на 1696 году, то есть времени, когда Петр только начинал восхождение к вершине своей славы, но в заголовке это ограничение не оговорено, напротив, оно свидетельствует о намерении проследить его жизнь и деятельность до самой кончины. Это вытекает из обращения к читателю, в котором, в частности, можно обнаружить такие слова: «Петр кротким нравом воскресил Россию полумертвую, воздвиге сияющую, слабую в силе, малочувственную по имени своему сотвори камени подобную, возведя от тьмы ко свету, от незнания к знанию, от бесчестия к славе»¹⁵. Совершенно очевидно, что подобный вывод можно сделать, опираясь не на 1696 год, а на конец царствования Петра. В дальнейшем Крекшин развивает и углубляет эту мысль: «Ты нас просвети и прослави славою, сотвори искусными в полезных знаниях, регуле, мужестве, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху нас последними, а ныне нарицают первыми... На что не взглянем, куда не обратимся — всюду труды и блаженные дела отца нашего, отца Великого».

Отметим близость цитированных выше фраз к оценкам, данным Шафировым в «Рассуждении о причинах Свейской войны» — сочинении, несомненно, известном Крекшину. Текстуальное сходство не обнаруживается, но Шафиров еще в 1717 году писал, что Петр народ «не только обучил, но и прославил», что «ныне никакое дело ниже в отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от одного себе не имели...»¹⁶ и пр.

Если, однако, Шафиров придерживался исторических реалий и не позволял себе измышлений, то Крекшин не стеснялся сочинять разного рода мифы, направленные на прославление исключительных свойств натуры Петра. Он, например, начал свое сочинение с изложения мифа о зачатии Петра, предсказанном Симеоном Полоцким сразу же после брачной ночи: долженствующий родиться младенец «всех бывших в России (государей. — *Н. П.*) славою и в делах превзойдет». Неведомый блаженный сулил еще не родившемуся Петру необычайное будущее: он «будет владеть великим костылем, да и бояться его все будут!» Великий государь (Алексей Михайлович. — *Н. П.*) спросил: «Чем меня более будет?» Блаженный рек: «Пятьдесят три сажени высота; многим шире будет тебя». Уже в 4-летнем возрасте, сообщает Крекшин, Петр «желал ведать военное учение; к прочим же ни к каким забавам и увеселениям не прилежал»,

при этом проявлял «природную военную храбрость». Описывая процедуру вручения царевича Никите Зотову для обучения, Крекшин вкладывает в уста матери Натальи Кирилловны велеречивую речь, обращенную к Зотову: «Известная о тебе, что ты жития благого, Божественное писание знаешь; вручаю тебе единокровного моего сына. Приими того и прилежи к научению Божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию».

Крекшин сочинил версию, согласно которой царь Федор Алексеевич объявил, что его отец намеревался вручить царский скипетр Петру, «но юных ради лет нарече мя», то есть Федора Алексеевича. «Того и аз хочу нареши царем». Крекшин при этом не замечает противоречия: если бы Федор Алексеевич имел намерение «нареши царем» Петра, то почему он не оставил ни письменного, ни устного завещания. 10-летний Петр после избрания царем по Крекшину якобы произнес следующие слова: «Во исполнение закона спасение наше есть; всем долг же есть последовать закону; сим покорность свою венчает прежде, нежели он достойную получит мзду»¹⁷.

Описывая борьбу Петра и Софьи за власть, Крекшин, разумеется, симпатизирует Петру, обнаруживая в нем мудрые и зрелые поступки, в то время как действия царевны осуждает.

Мы не станем утомлять читателя описанием последующих действий, обильно оснащенных тяжелыми церковно-славянскими оборотами, а сделаем общий вывод — Крекшин был первым и весьма неразборчивым в похвалах панегиристом Петра Великого.

Переходим к образу Петра в представлениях иностранцев. В зависимости от литературных дарований авторов, их проницательности и способности высветить побудительные мотивы поступков царя иностранных авторов можно разделить на две категории: одни из них уделяют преимущественное внимание описанию внешности Петра и бытовым подробностям; другие же пытаются осмыслить его поступки, выявить их побудительные мотивы.

Первая пространная запись о внешности Петра и его поведении относится, как мы уже говорили, к 1697 году, когда состоялась встреча царя с двумя курфюрстинами — Софьей Ганноверской и ее дочерью Софией Шарлоттой Бранденбургской. Мать и дочь оставили потомкам описание внешности русского царя, свои впечатления о его манерах и способностях. Они не могли быть глубокими прежде всего потому, что явились результатом не многократного общения

с русским царем, а единственной встречи с ним. Тем не менее они не лишены интереса.

Петр неуверенно чувствовал себя в дамском обществе, поэтому стоило большого труда уговорить его встретиться с курфюрстинами. Царь согласился при одном условии — чтобы за столом во время ужина присутствовали только члены семьи и не было придворных. В замок царь проник через черный ход, так как у парадного подъезда собралась толпа любопытных. Чувство скованности не покидало Петра и в первые минуты визита, описанного Софией Шарлоттой: «Моя матушка и я приветствовали его, а он заставил отвечать за себя г-на Лефорта, так как казался сконфуженным и закрывал лицо рукой, но мы его приручили, он сел за стол между матушкой и мной, и каждая из нас беседовала с ним попеременно. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков, я уверяю вас, — обращалась младшая курфюрстина к тайному советнику Павлу Фуксу, — говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали... Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать, как дома, — позволил сначала войти кавалерам, затем велел своим людям запереть дверь, поставил около нее своего фаворита, которого он называет своей правой рукой, с приказанием никого не выпускать, велел принести большие стаканы и заставил каждого выпить их по три и по четыре зараз, давая понять, что делает это, чтобы оказать честь каждому...»

В отличие от курфюрстины-дочери, отразившей преимущественно внешнюю сторону событий, курфюрстина-мать оказалась более проницательной и попыталась проникнуть во внутренний мир Петра: «Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать... он нам признался, что не очень ценит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы».

В другом письме курфюрстина Ганноверская сообщила некоторые дополнительные сведения, заимствованные ею у

своего амстердамского корреспондента: «Он сам работает над постройкой корабля; он знает в совершенстве 14 ремесел. Надо признать, что это необыкновенная личность... Это — государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума»¹⁸.

Внешность царя подробно описывал и итальянский певец Филиппо Балтари, живший в 1698 году в Москве: «Царь Петр Алексеевич был высокого роста, скорее худощавый, чем полный; волосы у него были густые, короткие, темно-каштанового цвета, глаза большие, черные, с длинными ресницами, рот хорошей формы, но нижняя губа немного испорчена; выражение лица прекрасное, с первого взгляда внушающее уважение. При его большом росте ноги мне показались очень тонкими, голова у него часто конвульсивно дергалась вправо»¹⁹.

Личность русского царя, естественно, привлекала внимание иностранных дипломатов. Одним из первых сумел разглядеть в Петре выдающегося государственного деятеля английский посол Чарльз Витворт. Надо отдать ему должное: еще в 1705 году, то есть до заметных успехов Петра на военном и дипломатическом поприще, до начала важнейших реформ, он писал в своем донесении в Лондон: царь «с помощью собственного гения, почти без посторонней помощи к 1705 году достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей». «Я уже имел честь сообщать вам, — доносил Витворт, — как сильно царь любит корабельное дело. Он сам прекрасный мастер и еще в прошлом году собственноручно построил корабль, который по общим отзывам ничем не уступает прочим судам русского флота». Витворт отметил также введенные царем новшества, изменившие внешность русских людей, — бритье бороды и внедрение платья иноземного покроя. Свое суждение о преобразованиях Петра Витворт завершает так: «Царь совершил также много других великих реформ, чрезвычайно полезных стране. Хотя доброе дело еще не доведено до совершенства, надо удивляться, как много его величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям государя, его любознательности и трудолюбию. Не взирая на неудовлетворительные стороны своего воспитания, он трудом и наблюдательностью приобрел почти универсальные познания».

Не оставил без внимания Витворт и рыцарские качества Петра. Общеизвестен факт возвращения плененному Реншильду шпаги, что означало высокую оценку царем храбрости шведского фельдмаршала под Полтавой. Но в литературе нам не доводилось встречать упоминаний еще об одном факте, сообщенном в 1710 году Витвортом: «Шведские генералы пожаловались его величеству, будто русские власти допустили нескольких шведских рядовых до голодной смерти и даже не позаботились о погребении их. Царь в сильном гневе потребовал подвергнуть московского губернатора, одного из высших сановников, князя Гагарина, аресту в собственном доме, из-под которого князь с трудом освободился... вследствие ходатайства вдовствующей царицы и царевен»²⁰.

Датский посланник при русском дворе Юст Юль в течение двухлетнего пребывания в России (1709—1711) вел дневник, на основе которого позже составил «Записки». Дневниковые заметки дали посланнику возможность регистрировать каждодневные наблюдения за жизнью двора, а проницательность позволила ему раскрыть характер царя, его интересы, отношение с окружающими. Не ускользнули от внимания дипломата и некоторые бытовые подробности. Юст Юль подчеркнул простоту царя, его нелюбовь к церемониям, стремление своим поведением демонстрировать поданным необходимость соблюдения дисциплины.

Важно подчеркнуть, что описываемые дипломатом встречи с Петром происходили после сокрушительного разгрома шведов под Полтавой. Казалось бы, блистательные победы могли вскружить голову царя, но он оставался, как следует из текста, таким же доступным и простым.

Первая запись о Петре Юста Юля относится к 30 ноября 1709 года, когда состоялась его встреча с царем в Нарве: «Лишь только я с подобающим почтением представился царю, он спросил меня, однако, через посредство толмача, о здоровье моего всемилостивейшего короля, я отвечал ему надлежащим выражением благодарности. Далее он осведомился, не служил ли я во флоте, на что я ответил утвердительно. Вслед за этим он тотчас же сел за стол, пригласил меня сесть возле себя и тотчас же начал разговаривать со мною без толмача, так как сам говорил по-голландски настолько отчетливо, что я без труда мог его понимать; со своей стороны он понимал, что я ему отвечал. Царь немедленно вступил со мной в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет. Сейчас же было выпито за здоровье моего всемилостивейшего государя и короля...

При нем не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайного советника, была только свита из 8 или 10 человек. Он равным образом не вез с собою никаких путевых принадлежностей — ни чем есть, в чем пить и на чем спать...

Царь очень высок ростом, носит собственные короткие коричневые волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проницателен и умен. За обедом у обер-коменданта царь имел при себе меч, снятый в Полтавской битве с генерал-фельдмаршала Реншильда».

В записи под 15 декабря 1709 года дипломат описал участие царя в спуске построенного 50-пушечного корабля: «Царь, как главный корабельный мастер (должность, за которую он получал жалованье), распоряжался всем, участвовал вместе с другими в работах и, где нужно было, рубил топором, коим владел искуснее, нежели все прочие присутствующие там плотники... Достоинно замечания, что сделав все нужные распоряжения для поднятия форштевня, царь снял перед стоявшим тут генералом-адмиралом шапку, спросил его, начинать ли, и только по получении утвердительного ответа снова надел ее, а затем принялся за свою работу. Такое почтение и послушание царь выказывает не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальника. С верфи царь пошел в гости на вечер к одному из своих корабельных плотников».

Одна из записей содержит описание аудиенции у царя, состоявшейся в Преображенском 11 февраля 1711 года в «убогом» доме: «Как я вошел в комнату, смежную с царскою, граф Головкин вышел ко мне туда, встретил меня и ввел к царю. Не будучи еще готов, царь стоял полуодетый, в ночном колпаке, ибо о церемониях он не заботится и не придает им никакого значения или по меньшей мере делает вид, что не обращает на них внимания. Вообще в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на простое посещение, нежели на аудиенцию. Царь сразу же, безо всякого обмена предварительных комплиментов, начал говорить о важных предметах и с участием вице-канцлера стал обсуждать государственные дела. При этом не соблюдая никакого порядка, мы то прохаживались взад и вперед по комнате, то стояли на месте, то садились».

Накануне аудиенции состоялась свадьба капитана царского флота норвежца Весселя, происходившая в доме Меншикова. «Маршалом на свадьбе был сам царь, а я, по русскому обычаю, посаженным отцом жениха. Царь охотно соглашался быть маршалом на свадьбах, чтоб не быть вынужденным подолгу сидеть на одном месте: вообще продолжительное занятие одним и тем же делом повергает его в состояние внутреннего беспокойства. В качестве маршала царь с маршальским жезлом в руке лично явился за женихом и невестой и повел их венчаться...»

22 декабря 1710 года царь принимал датского дипломата в токарной мастерской: «Царь часто развлекается точением и, путешествуя, возит станок за собою. В этом мастерстве он не уступает искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры. При моем посещении он временами вставал из-за станка, прогуливался взад и вперед по комнате, подшучивал над стоящими кругом лицами и пил с ними, а также порою разговаривал то с тем, то с другим между прочим и о самых важных делах, о каковых удобнее всего разговаривать с царем именно при подобных случаях.

Когда же царь снова садился за станок, то принимался работать с таким усердием и вниманием, что не слышал, что ему говорят, и не отвечал, а с большим упорством продолжал свое дело, точно работал за деньги и этим трудом снискивал себе пропитание. В таких случаях все стоят кругом него и смотрят, как он работает. Всякий остается у него сколько хочет и уходит, когда кому вздумается, не прощаясь²¹.

Автор «Точного известия о... крепости и городе Санкт Петербург, о крепостце Кроншлот и их окресностях» до последнего времени был неизвестен, но Ю. Н. Беспятых установил, что сочинение это принадлежит нарвскому пастору Симону Дитриху Геркенсу. В «Описании», зарегистрировавшем город и его окрестности по состоянию на 1710 год, несколько страниц посвящено личности Петра.

Царь «высок ростом и хорошо сложен, с правильными и живыми чертами смугловатого лица, выдающего бодрую величественность и неустрашимость. Он не любит парика, у него кудрявые волосы и маленькие усы, очень ему идущие. Обыкновенно его величество видят в такой простой одежде, что тот, кто его не знает, ни за что бы не признал в нем столь великого монарха...

Следует, кроме того, признать, что его величество благочестив и от природы добр и милостив. Говорят также, будто его величество желал бы по-доброму реформировать и

улучшить русское вероисповедание, как он уже для людей, переходящих в русскую веру, отменил в обряде крещения погружение в воду, прежде требуемое. Кроме того, он решил не соблюдать в своей армии принятые у русских долгие и строгие посты, во время которых им совсем нельзя есть мясо...

О его величестве нельзя также сказать, что он высокомерен или надменен, ибо он весьма милостив и дружелюбен с самым последним матросом и охотно с ним беседует. Мне довелось слышать рассказ, как его величество король Швеции однажды объявил, что намерен свергнуть с престола его царское величество; узнав об этом, его царское величество разумно ответил: «Кичливость предшествует падению». И эти слова как нельзя лучше подтвердились спустя недолгое время при Полтаве...

Вода кажется ему истинной стихией, и его часто видят плавающим на яхте, буере или шлюпке и упражняющимся в плавании под парусами. В этом деле его едва ли превзойдет кто-либо, кроме господина вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. Эта страсть настолько сильна, что его величество видят на воде и в дождь, и в снег, и в любую погоду, какой бы она ни была. Когда большая река Нева уже настолько замерзла, что лишь в одном месте, перед резиденцией его величества, оставалась еще сотня шагов чистой воды, он тем не менее плавал по ней под парусом на маленьком суденышке взад и вперед с обычным успехом...

Я заметил также, что моряки, имеющие до него какое-либо дело, должны были обращаться к нему не «ваше царское величество», а «господин шаутбенахт...»²².

Иные свойства натуры царя высветил ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, свидетельство которого относится к 1719 году. В его записках читатель почерпнет сведения о распорядке дня Петра, его талантах, познаниях в науках и т. д. «Поскольку он побывал в Германии и многих других странах, — пишет Вебер, — то его нрав и внешность известны каждому. Но можно, впрочем, напомнить, что обычно он ходит в простом платье, не любит ни нарядов, ни чрезмерного числа слуг, большой противник бесполезной роскоши и праздности, напротив, благоволит к усердным в труде. Сам он не теряет понапрасну времени, а всегда занимается тем или иным делом. Обычно же, когда находится в новой резиденции в Петербурге, он в три-четыре часа утра присутствует в Тайном совете, затем посещает кораблестроительную верфь, распоряжается там работой и прикладывает собственную руку, так как знает это дело в тонкостях от малей-

шей малости до самого главного. В 9 или 10 часов он раз-
влекается работой на токарном стане, изготавливая краси-
вейшие вещи. Затем в 11 часов у него короткая трапеза, а
послеполуденное время после краткого, по русскому обы-
чаю, сна проводит также за осмотром строительства и ины-
ми подобными делами. Вечером же он делает визит или
ужинает и, рано с этим покончив, ночью поживает.

Он большой любитель умозрительных, математических и
механических наук и в этом не уступает никакому специа-
листу. Он не любит ни охоты, ни игры, ни иных подобных
развлечений, а лишь серьезные дела и особенно людей, име-
ющих отношение к воде. В этой стихии он настолько неуст-
рашим, что и тогда, когда в сильный шторм все остальные
уже прощаются с жизнью, он один полностью сохраняет му-
жество, обычно сам берется за руль, отдает необходимые
распоряжения и тем посрамляет самых лучших моряков.

Из иностранных языков он хорошо знает немецкий, но
лучше всего, кроме родного русского, говорит на голланд-
ском. При исполнении своих дел он проявляет очень острый
ум, и если хорошо обдумал дело, быстро претворяет его в
жизнь. В военных делах и упражнениях и на суше и на во-
де он весьма искушен, так как взял на себя труд пройти и
действительно заслужить от мушкетера и барабанщика, а
также от матроса, приказав даже за это выплачивать ему жа-
лованье наряду с другими. Поэтому несомненно, что он, как
государь, и без того наделенный от Бога значительными ка-
чествами, должен быть сведущ во всех делах и понимать са-
мую их суть»²³.

Ценную информацию о Петре могли бы запечатлеть граф
Г. Ф. Бассевич и камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, находивши-
еся в свите герцога Голштинского Карла Фридриха, пригла-
шенного царем в Россию в качестве жениха одной из своих
дочерей и жившего в столице в 1721—1726 годах, но первый
из них был озабочен прославлением собственной персоны и
своего повелителя, а второму оказалось не под силу воссоз-
дать образ Петра и он ограничился констатацией бытовых
деталей жизни своего повелителя и русского двора. Тем не
менее мы не вправе игнорировать их свидетельства даже в
том случае, если они повторяют наблюдения других авторов
или сообщают незначительные факты.

«Петр Великий, — писал Бассевич, — любил великолепие
в празднествах; но частная его жизнь отличалась необыкно-
венной простотой: вилка и нож с деревянными черенками,
халат и ночной колпак из посредственного полотна, одежда,
пригодная для занятий плотничною и другими работами, в

которых он часто упражнялся. Когда не было санного пути, он ездил по городу в одноколке, имея одного денщика рядом с собою, другого, следовавшего позади верхом»²⁴.

У Берхгольца, в отличие от Бассевича, отсутствует обобщенная характеристика царя. На многих страницах пространный дневника разбросаны отдельные наблюдения, касающиеся поведения Петра в различной обстановке: на свадебных торжествах, во время церковных и светских праздников, семейных торжеств, спуска кораблей и др.

Из отдельных зарисовок Берхгольца невозможно создать портрет выдающегося государственного деятеля, поскольку автор ограничивается сообщением бытовых подробностей, но все же детали представляют известный интерес. Мы избавим читателя от необходимости знакомиться со всеми сведениями о Петре, внесенными в «Дневник», но некоторые отрывки все же приведем. Под 25 июня 1721 года Берхголец описал устроенный Петром праздник в Летнем саду — деспотизм царя превратил веселье в тяжелое испытание: «Так как царь и царица также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если бы на беду вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение».

Через день по случаю годовщины Полтавской виктории состоялась торжественная литургия на площади у Троицкой церкви: «Шагах в пятидесяти от алтаря стоял его величество царь в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная портупья. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу».

27 июля 1721 года на Адмиралтейской верфи состоялся спуск корабля «Пантелеймон», которым руководил сам Петр: «...он повел нас на корабль, где с герцогом и со всею его свитою прополз под подмостки у киля, чтобы показать, как корабль сделан внизу и чем облегчается спуск его на воду. Потом царь, один, еще раз обошел вокруг корабля и ос-

мотрел, все ли приготовлено как нужно: его величество в таких случаях верит только собственным глазам...»

Под 3 января 1722 года Берхгольц описал обряд славления всешутейшим собором: «Князь-папа делается на это время одним из первых лиц; он является со всеми своими кардиналами в полном костюме и получает, как меня уверяли, подарки от всех, к кому приезжает, потому что получив от императора, всегда накануне, через одного из кардиналов, дает знать, у кого его величество будет славить. Государь присоединяется тогда к обществу князя-папы и носит, подобно прочим кардиналам, небольшой воротник, который в этот день, как мне рассказывали за верное, приказал занять у здешнего голландского пастора. Иногда он является и в полном кардинальском костюме, в длинной мантии, и общество увеличивается всеми императорскими певчими, с которыми он почти везде сам поет славу новому году».

Зиму 1722 года царь провел в Москве, где продолжались празднества по случаю заключения Ништадтского мира. Берхгольц описал императорский дворец в Преображенском: «Мы немало удивились, когда, подъехав к дому императора, узнали от нашего кучера, что мы перед императорским дворцом; это старинный, маленький и плохой деревянный дом, за который, судя по его наружности и местоположению, нельзя дать и ста талеров. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простого человека, потому что в нем, по-видимому, нет и шести порядочных комнат, несмотря на то, что к нему недавно пристроен новый флигель для принцесс...»

18 марта 1722 года во дворце Меншикова отмечался день рождения супруги царя. «Его величество император, когда мы приехали, сидел с одним старым русским за шахматами, в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож».

В марте того же года Берхгольцу довелось быть свидетелем христосования царя. «Этот обычай, — замечает автор «Дневника», — тем приятен, что во всю светлую неделю можно целоваться со всеми женщинами, с которыми видишься. Сам император целуется с последним солдатом, если он при встрече с ним поднесет ему яйцо. Вообще его величество так преследуют поцелуями, что он почти ни на минуту не может избавиться от них. В первый день праздника он, говорят, удостоивает этой малости всех своих придворных служителей до последнего поваренка, и потому сегодня утром, как меня уверяли, в церкви так много целовался, что у него под конец от беспрестанного нагибания

заболела шея и спина, и он принужден был удалиться; известно, что его величество очень высок ростом, почему только весьма немногие могли целоваться с ним так, чтобы он не нагибался...»²⁵

«В январе 1723 года купец Тамсен рассказывал нам, — написал Берхгольц, — что его величество был вчера у него и при этом случае по всем правилам и своими собственными инструментами выдернул зуб его долговязой голландской девке, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зуб. Он за несколько дней перед тем услышав, что девка жалуется на зубную боль, обещал ей приехать сегодня и избавить ее от страдания...»

19 апреля 1723 года Петр присутствовал на торжестве по случаю дня рождения герцога Голштинского: «...так как его величество не ждали так рано, блюда являлись на стол одно за другим, по мере того, как были готовы. Между тем он держался покамест холодного и кушал с тарелок приготовленное для него собственными его людьми, то есть бывшими тут же кухмистером и двумя русскими поварами, которые готовят ему кушанья, обыкновенно подаваемые за его обедом; как, например, какие-нибудь овощи, изрезанную маленькими кусочками жареную говядину с солеными огурцами, жареные утиные ножки, которые он всегда окунает в кислый соус, приправленный луком, молодую редиску и т. п. Впрочем, его величеству очень нравились и некоторые кушанья, изготовленные нашими поварами, в особенности те же, при которых много соусу и в которых нет сахара, потому что сахар в кушаньи он никогда не терпит...»

29 июня, день тезоименитства Петра, отмечаемый в Летнем саду. «В саду я с удивлением смотрел, — заметил камер-юнкер, — на иностранных корабельщиков, которые свободно могут являться на все празднества, назначаемые в саду, где имеют и свой особый стол; они сидели с императором, который поместился между ними, в своих шапках и шляпах на головах, и толковали с ним без всяких церемоний, потому что его величество с такими людьми обходится очень милостиво и с большим удовольствием пускается с ними в разговоры о мореплавании и торговле...»²⁶

Едва ли не самую обстоятельную характеристику царя и оценку его деяний дал французский посол Кампредон. Это обстоятельство, надо полагать, объясняется не столько проницательностью и наблюдательностью самого дипломата, сколько временем составления его отзыва о царе — он относится к 1724 году, то есть к концу царствования Петра, когда значение преобразований было оценить гораздо легче.

«На Петра, — рассуждал Кампредон в депеше от 5 января 1724 года, — которого большая часть европейских держав почти не хотела знать, не следует больше смотреть с прежней точки зрения. Ништадтский договор сделал его властелином двух лучших портов на Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих галер и внушает страх всем своим соседям». У него регулярная армия в 150 тысяч человек, у него Украина, представляющая «одну из лучших стран в мире по плодородию и превосходству климата». «В деле цивилизации своих народов он делает чудеса. Счастливое изменение в них постепенно становится заметнее с каждым годом, и надо думать, что через несколько лет молодежь обоего пола... привыкнув к непохожему на дедовские обычаи образу жизни, будет предпочитать его тому варварству, в котором коснели отцы ее, и из самолюбия станет поддерживать то, чему последние стараются противодействовать в силу привычки»²⁷.

Самое последнее по времени известие о русском императоре, принадлежащее перу иностранца, относится к 1731 году — когда испанский посол герцог де Лириа отправил в Мадрид «Донесение о Московии». Оно было составлено шесть лет спустя после смерти Петра Великого; следовательно, посол черпал сведения о нем из рассказов современников. Автор поставил задачу подвести итоги царствования Петра и дать представление о личности, стоявшей во главе преобразовательных начинаний. Образованность, широта взгляда, способность анализировать, обобщать и сопоставлять события и факты позволили герцогу успешно справиться с поставленной задачей.

«Он начал править Российской империей, подверженной бесконечным восстаниям, в очень раннем возрасте, и на его жизнь много раз покушались», — с такого экскурса в прошлое начал «Донесение» де Лириа. «Он счастливо избежал всех западней, расставленных перед ним, только благодаря своему мужеству и осторожности! Он рассудил, что ему было бы полезно увидеть другие страны, чтобы познакомиться с их образом жизни, и побывал в Голландии, Англии, Германии и Польше, где, знакомясь со всем, увидел, что на его народ можно смотреть как на варварский в сравнении с другими европейскими народами, и уделил все свое внимание тому, чтобы его подданные путешествовали, послав их в большом количестве ко всем дворам, чтобы обучиться ремеслам, и призвав с разных сторон людей, опытных в производствах и науках. Русские войска не знали ни уставов, ни субординации, ни порядка и находились на том же уровне,

что и у татар, так что, когда он хотел вести войну, его войска собирались и шли на поиски неприятеля, не соблюдая ни единого правила военного искусства. Петр поставил их на уровень немецких войск, сформировал полки, создал уставы и не без больших трудностей добился того, чтобы они пришли в нынешнее состояние, хотя, конечно, они и не являются лучшими по качеству войсками в Европе, не лучше всех обученными.

В Российской монархии не знали, что такое корабли, а он добился также создания военного флота, достаточно хорошего и достаточно упорядоченного, как показано будет ниже в соответствующем разделе».

Далее де Лириа сообщает о страсти царя к ремеслам, о его внешнеполитических успехах. «Он великолепно изучил все ремесла, а больше всего механические, и не имелось никакого военно-морского офицера во всей Европе, который лучше него знал бы свои обязанности, в особенности же в судостроении. Ни один генерал не знал военного дела лучше, чем этот великий монарх, благодаря чему он совершил столь большие завоевания, что расширил свои владения на Севере и до Курляндии, завоевав затем провинции Ливонии, Эстонию, Ингрию, Карелию и часть Финляндии. В сторону Азии он продвинул свои завоевания далеко за Дербент, в Персии и на Каспийском море, на Понте Евксинском и до Азова». Завершается этот панегирик Петру оправданием той высокой цены, которая заплачена за преобразования; де Лириа считает царя человеком не жестоким, а, напротив, гуманным: «Бесчисленное количество людей, которые умерли от него в страшных муках, заставляют видеть в нем даже жестокого человека, но он не был таковым, а, напротив, был очень гуманным; но с таким варварским народом, который ежедневно злоумышлял против его усилий, необходимо быть жестоким. Он нежно любил иностранцев и всегда обращался с ними с наибольшей добротой, награждая их, когда они того заслуживали».

В отличие от прочих дипломатов и иностранцев-мемуаристов, де Лириа обнаружил в царе и недостатки и даже пороки: он «любил вино с излишествами, женщин же любил слишком грубо, не говоря уже о другом постыдном пороке, о котором скромность заставляет меня умолчать»²⁸. Что подразумевал де Лириа под «постыдным пороком», сказать трудно. Быть может, злопыхатели царя нашептали ему всякой всячины, быть может, имелось в виду насильствование замужних дам, но, может быть, это просто выдумка самого де Лириа.

Впрочем, в сочинениях иностранных дипломатов встречаются и полностью враждебные оценки деятельности Петра и результатов его преобразований. Так, секретарь прусского посольства И. Г. Фоккеродт в своих записках оценил все содеянное в России при Петре Великом не только как ничтожное, но и как вредное. Строительство Петербурга, например, он обосновывал не экономической целесообразностью, а лишь страстью царя к морю, причем само перенесение столицы из Москвы в Петербург считал «больше вредным, чем выгодным». Не одобрял Фоккеродт и отправку за границу волонтеров, большинство из которых возвращалось в Россию с теми же знаниями, «которые взяли их с собой». Фоккеродт, без особой мотивировки, отмечал ненависть населения к новым учреждениям, введенным Петром, и в конечном итоге предрекал гибель страны от сокращения численности населения, обусловленного детской смертностью и «любопытной болезнью», якобы распространенной среди простого народа.

Не вызывали у него симпатий и свойства натуры царя: «У него не было ни малейшего вкуса к удовольствиям... Все его развлечения имели в себе что-то грубое и неприятное». Осуждал он и увлечение царя кораблестроением, когда тот «проводил время в чертежах и вычислениях», запуская «и самые важные государственные дела»²⁹.

Как видим, одни и те же поступки и деяния Петра вызывали диаметрально противоположные оценки, продиктованные либо вкусами авторов депеш, либо политическими мотивами, желанием видеть Россию таким же немощным захолустьем Европы, какой она была в XVII веке.

Переходим к рассмотрению русских анекдотов о Петре. Возможны два подхода к их изучению: по составителям (А. К. Нартов, Я. Я. Штелин, И. И. Голиков) и по темам, то есть по тем свойствам натуры царя, которые раскрываются анекдотами. Мы избрали второй путь, позволяющий избежать повторений. В подавляющем большинстве случаев каждый из анекдотов является оригинальным сочинением, высвечивающим различные черты характера царя в различных жизненных ситуациях. Иногда, однако, составители излагают один сюжет, но рассматривают его под разными ракурсами, что дает основание видеть здесь не плагиат, а особенности использованных источников информации, когда одному из участников или свидетелей события запомнился один эпизод, а другому — другой. Удельный вес подобных

повторений невелик: из 113 анекдотов Штелина и 139 рассказов Нартова совпадения обнаруживаются только в 19, часто сближается лишь тематика, а не содержание.

Лейтмотив собранных составителями анекдотов состоит в выявлении исключительных черт в натуре русского царя, его несхожести с прочими монархами. Ярче всех эту сторону поведения Петра выразил А. К. Нартов в первом же рассказе, которым открывается его сочинение: «Слыхал ли кто или читал ли кто в каких-либо преданиях, чтоб самодержец при вступлении своем на престол, оставя корону, скипетр и поруча правление царства ближним вельможам, предпринимал отдаленное странствование по чужим государствам единственно ради того, чтоб просветить, во-первых, себя науками и художествами, иметь свидание самоличное с прочими государями, устно с ними о взаимных пользах говорить, утвердить дружбу и согласие, познать правительства их, обозреть города, жилища, изведать положение мест и климатов, примечать нравы, обычаи и жизнь европейских народов, полезное от сего перенять, потом подобное водворить в отечество свое, преобразовать подданных и соделать себя достойным владетелем пространной монархии?»

Исключительно само зачатие Петра, о котором царю Алексею Михайловичу сообщили два звездочета на другой день после брачной ночи; они пророчили новорожденному славное будущее. Имеющий появиться на свет младенец, предсказывал один из звездочетов, Симеон Полоцкий, «станет удивления достойным победителем», «победит мятежных своих соседей, учинит столь много славных дел, каких ни один из предков его произвести не мог...». Он преодолест многие преграды, укротив возмущение, и произведет на суше и на море много «великих деяний», будет «истреблять злобных, но любить будет ревностных»³⁰.

Общеизвестно, что Петр не отличался ни богатырским телосложением, ни богатырской силой. Анекдоты же повествуют о необычайной физической силе царя. Один из анекдотов Нартова свел для соревнования в силе и ловкости двух монархов — Петра и короля Речи Посполитой Августа II, обладавшего необыкновенными физическими данными и имевшего прозвище «Сильный». «Известно, — рассказывает Нартов, — что Петр Великий и Август, король польский, имели силу телесную необычайную и превосходящую силу человеческую». Далее следует рассказ о том, как король и царь демонстрировали силу, сгибая в трубку стоявшие на столе одну за другой серебряные тарелки. Опасаясь остаться без посуды, монархи избрали иную форму демонстрации

своих данных. Август одним махом отсек буйволу голову; Петр заявил о своем нежелании лишать жизни животное и попросил подбросить сверток сукна, который на лету разрубил кортиком пополам³¹.

Идеальный монарх должен отличаться храбростью, отвагой, приводящими в трепет противников. Анекдоты не обделили Петра и этими свойствами натуры, впрочем, вполне реальными. Один из анекдотов Штелина повествует о том, как Петр получил известие о том, что Цыклер и Соковнин, готовя на него покушение, собрались у Соковнина для обсуждения зловещего плана: поджечь дом и, когда царь, по своему обыкновению, прибудет для тушения пожара, окружить его и убить. Царь велел капитану с ротой прибыть в логово заговорщиков, чтобы их всех арестовать, но перепутал время их прихода. В результате Петр в течение получаса, пребывая в окружении врагов, проявил величайшую выдержку, не выказал страха за свою жизнь, вел с ними спокойный разговор, вплоть до появления роты с капитаном. В результате все заговорщики были схвачены.

Этот анекдот, видимо, был широко распространен среди современников и потомков, ибо его воспроизвел с некоторыми изменениями и И. И. Голиков: у Голикова Петр заходит к заговорщикам не нарочито, а случайно, называет улицу, где собрались заговорщики. Не дождавшись прибытия офицера, царь заявил, что уже согрелся, и стал выходить из дома. «Они хотели было его провожать, но государь остановил их в дверях, которые затворил и припер». Анекдот Голикова дополнен объяснением причин заговора: введение царем новшеств, противных «старинному обыкновению, и преднамеренная посылка детей их в еретические земли»³². Нартов приводит другой поступок царя, свидетельствующий о его отваге. 7 мая 1703 года Петр и Меншиков, располагая лишь 15 лодками каждый, под прикрытием тумана овладели штурмом двумя шведскими кораблями, вооруженными пушками. Это была дерзкая и смертельно опасная операция, ибо неприятельские корабли имели 24 пушки, а нападавшие — ни одной³³.

Идеальный монарх в представлении современников должен был обладать бережливостью, неприязнательностью в быту, довольствоваться скромной пищей и одеждой. Составителям анекдотов Петр предоставил обильный материал. Штелин, имевший обыкновение придавать своим анекдотам нравоучительный характер, один из них озаглавил так: «Петр Великий не любил никаких излишеств и великолепия». В нем он поведал, что царь «никакой пышности терпеть не мог, никогда не ездил в карете, а пользовался одно-

колкой, в которой умещалось едва два человека». Он не содержал камергеров, камер-юнкеров, а довольствовался услугами четырех—шести денщиков. Развивая тему, Штелин привел еще один анекдот о бережливости: даже летом царь носил шерстяные чулки³⁴. Скромность придворной жизни царского двора отметил и Нартов: «Петр Великий не любил никакой пышности, великолепия, многих прислужников». Нартову довелось побывать в каморке, где царь проживал, будучи волонтером: ему показывали «жилище сего монарха, постелю его, шкиперское платье, топор, чем плотничал, и прочие оставленные вещи».

Все составители анекдотов писали о непритязательной пище царя: Нартов отмечал, что монарх не претендовал на изысканные блюда: «кислые щи, студени, каши, жареное с огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловал лимбургский сыр». Рыбу царь не любил. Скромность царского меню отметил и Штелин: «шти, каши, студень, холодное жаркое с огурцами или соленым лимоном, лампреты, солонина, ветчина, лимбургский сыр; пред обедом пивал он по рюмке анисовой водки, а за столом квас и хорошее вино, но лучше всего еремитаж, иногда же рюмку-другую венгерского вина». В одном из анекдотов Нартов приводит рассуждения на этот счет самого Петра: во время поездки царя в Париж местный епископ в Бове приготовил роскошный обед, но Петр не остановился у епископа. Сопровождавшие царя докладывали ему, что в другом месте такой изысканной трапезы не будет, на что он им ответил: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода; так он тем и доволен, а здесь можно найти белый хлеб и вино».

Едва ли не самыми интересными являются те страницы анекдотов, которые повествуют о монархе как о слуге государства. Здесь на первое место надлежит поставить анекдот Штелина «Петра Великого удивительная любовь к своему государству и отечеству». Нам довелось доказывать, что сюжет анекдота недостоверен, что он измышлен Штелиным, что в жизни ничего подобного не происходило. Однако в данном случае для нас важна не достоверность сюжета, а его идейная направленность, оценка в общественном сознании поведения царя, в сложной обстановке пожертвовавшего интересами семьи в пользу государства, его готовность отдать жизнь ради этих интересов. Ради благополучия государства царь отказывает сыну в праве наследовать престол, поскольку ему было известно, что все его преобразовательные усилия и понесенные ради них жертвы пойдут прахом, ибо

наследник не разделяет взглядов отца на европеизацию страны. Петр якобы отправил письмо Сенату с берегов Прута, когда его армия оказалась в окружении превосходящих сил противника и царю грозила либо смерть, либо плен³⁵.

Свидетельства составителей анекдотов о прохождении Петром службы перекликаются с сообщениями иностранных наблюдателей. Нартов писал: «Петр Великий, начав службу в сухопутном войске (и во флоте) с нижних чинов, происходил в высшие степени существенными трудами, по заслугам и достоинству за баталии и осады, при которых присутствуя особою своею, бывал то подчиненным, то храбрым предводителем, в сильнейшем огне, с бесстрашием и с присутствием духа, здравого и решительного рассуждения, в опасных случаях против неприятелей, к подданным говоря так: «Победить или умереть славно!» Наконец, достигнув до чинов сухопутной армии до генералмайорского, а во флоте до вицеадмиральского, получал и обыкновенное жалованье».

К сюжету о службе царя Нартов обращался неоднократно: то он подчеркивал строгое соблюдение царем субординации, то демонстрировал соблюдение дисциплины. Будучи в Архангельске, царь напросился к одному опытному амстердамскому мореплавателю на его корабль матросом и исправно выполнял обязанности последнего. «Монарх исполнял все его повеления скоропостижно, подавая сим пример прочим находившимся на корабле подчиненным, каким образом надлежит повиноваться командиру и отправлять должность. Царь оформлял повышение чином через обращение с просьбой к князю-кесарю Ромодановскому. Так, чин вице-адмирала Петр спрашивал за Гангутскую победу «в образец прочим, что воинские достоинства получают единственно по заслугам, а не породю и счастьем».

О продвижении по служебной лестнице царя за особые заслуги писал и Штелин: он «долгое время был барабанщиком, а потом двенадцать лет рядовым солдатом», не освобождал себя от тягот солдатской жизни, «подавая собою пример тем, которых он хотел привлечь к военной службе». Более того, согласно анекдоту Штелина царь отказался от чина вице-адмирала в пользу более заслуженного контр-адмирала. Составитель анекдота приводит рассуждения Петра: «Члены коллегии справедливо судили и правильно поступили. Есть ли бы они были столь подлы, чтоб от ласкательства (подхалимства. — Н. П.) предпочли меня моему товарищу, то бы конечно за то должныствовали ответственность»³⁶.

Служебное рвение царя прослеживается в его напряженном распорядке дня. Штелин сообщал: «Зимою вставал он

обыкновенно в 4 часа поутру, принимал предложение дел, немного завтракал и в 6 часов выезжал в Адмиралтейство, Сенат и проч. Обеденный стол имел он 1 часу пополудни, потом в шлафроке своем успокаивался часа на два в своей постели. В 4 часа пополудни приказывал он к себе принести те дела, которые отдавал поутру на исполнение». Распорядок дня царя, приведенный Штелиным, почти полностью совпадает с описанием его Нартовым: «Обыкновенно вставал его величество утром часу в пятом, с полчаса прохаживался по комнате, потом Макаров читал ему дела; после, позавтракав, выезжал в одноколке или верхом к работам или на строение, оттуда в Сенат или Адмиралтейство. В хорошую погоду хаживал пешком. Обедал в час пополудни. В десять часов пил одну чарку водки и заедал кренделем; после того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; в четыре часа после обеда отправлял паки разные дела; по окончании оных тачивал; потом либо выезжал к кому-либо в гости, или дома с ближними веселился».

Даже будучи прикованным к постели тяжелой болезнью, находясь в ожидании скорой кончины, Петр не забывал об обязанностях службы: в эти дни он сочинял инструкцию руководителям Камчатской экспедиции В. Берингу и А. Чирикову.

Цель своего поведения царь объяснил, будучи на Марциальных водах, придворному доктору Арескину: «Врачую тело свое водами, а подданных — примерами; и в том и в другом исцеление вижу медленное; все решит время; на Бога полагаю надежду».

Особое место в анекдотах о Петре занимает его военная деятельность. И это неудивительно, ибо большую часть своего царствования он воевал. В анекдотах Петр постоянно выступал не в роли кровожадного хищника, готового прихватить все, что плохо лежало, а в роли защитника государственных интересов и благородного воина, относившегося рыцарски и с уважением к неприятелю, даже побежденному. В противнике он ценил мужество, преданность монарху. Лишь однажды он проявил несдержанность к коменданту нарвской крепости генералу Горну, во-первых, за дерзкий ответ на предложение гарнизону капитулировать, а во-вторых, за бесполезное сопротивление обреченного на сдачу гарнизона, бессмысленное пролитие крови. Воспаленный гневом царь нанес пощечину с опозданием сдавшемуся Горну, показав при этом окровавленную шпагу, которой он умирал разъяренных русских солдат. В остальных случаях анекдоты запечатлели великодушие и галантность царя. Пе-

тру доводилось терпеть и неудачи, но он не терял хладнокровия и упорно преодолевал все трудности на пути к победе.

В принципе царь отдавал предпочтение не войне, а миру, не разрушению, а созиданию. Нартов занес в «Рассказы» замечательные слова: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственно только славы, а не для обороны Отечества, желая быть обладателем вселенной! Александр — не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света; последовал его неудачный успех. Под последователями разумел государь Густава Адольфа и Карла XII».

У Нартова есть еще один анекдот на ту же тему: «Я к миру всегда был склонен, — говаривал царь, — но того неприятель слышать не хотел. Что Карл XII запутал упрямством, то распутывать силою и оружием, доколе мир решит сам Бог».

После разгрома шведов под Полтавой Петр дал обед, на который пригласил и побежденных генералов и произнес тост, свидетельствующий об уважении к побежденным и даже о чувстве благодарности им: «Я пью за здоровье моих учителей, которые меня воевать научили». И тут же рыцарский жест: «выхваляя мужество и храбрость Реншильда, пожаловал ему свою шпагу». Это не единственное заявление Петра о том, что он обучался военному искусству у шведов. «Я знаю, — говорил он задолго до Полтавы, — что шведы нас еще несколько раз побеждать будут; но, наконец, научимся сим побивать и мы»³⁷.

Проявлял царь уважение и к Карлу, хотя одновременно осуждал его. Узнав о его ранении накануне Полтавской битвы, он выразил сожаление. «Жалею, — читаем в одном из анекдотов Нартова слова Петра, — что брат мой Карл, пролив много крови человеческой, льет ныне и собственную свою кровь для одной мечты быть владельцем чужих царств; но когда рассудительно не хочет владеть своим королевством, то может ли повелевать другими. Но при всем упорстве его, кровь его для меня драгоценна и я желал бы мир иметь с живым Карлом. Я, право, не хочу, чтобы пуля солдат моих укоротила жизнь его».

Мысль о судьбе «брата своего Карла» не оставила царя и после того, как отгремели последние выстрелы сражения. Еще накануне он «приказал паче всего щадить и спасти жизнь Карла XII, непримиримого неприятеля своего». Но получив известие, что на поле найдена королевская качалка, вдребезги разбитая, в которой носили раненого короля, он «сожалел чрезвычайно о судьбе его и беспокоился, полагая его убитым, повелел искать между убитыми».

Четырехлетнему пребыванию Карла XII в Бендерах, куда он бежал после поражения, посвятил несколько анекдотов Штелин. Сначала Петр, часто «говаривая о несчастном своем брате Карле, удивлялся непонятной его упорливости, соболезновал о тесных его обстоятельствах, в которые он себя поверг необузданною своею гордостью и своенравием и сожалел о своем шведском Карле», но после получения известия о сражении с турками, оказавшими ему гостеприимство, царь произнес слова осуждения: «Теперь я вижу, что его Бог оставил, ибо он собственных своих друзей оскорбил». Наконец, в 1718 году, когда Петру сообщили о гибели Карла XII при Фридрихсгаме, «потекли из очей его слезы, а как он приметил, что оные по лицу его катятся, то отворотился от окружавших его и отер их платком; потом сказал смущенным голосом: «брат Карл, сколько я о тебе сожалею»³⁸.

В то же время Петр в анекдотах осуждает жестокости Карла XII. В особенности гнев царя вызывала суровая расправа Карла над своим министром Паткулем, выданным шведскому королю после заключения Альтранштадтского мира. «Август научился трусить у поляков, а Карл свиреп. Оба дадут ответ за Паткуля. Кто жесток, тот не герой. Паткуль не заслуживал такого тиранства. Его весь свет оправдывает».

Далеко не все события Северной войны нашли отражение в анекдотах. Тщетно искать в них реакции царя на овладение Шлиссельбургом, сражение при Калише, битву у Лесной, пленение шведской армии у Переволочны и др. А ведь Петр лично командовал войсками у Лесной, осаждал Шлиссельбург. Столь же непонятны умолчания анекдотов о таких важнейших внешнеполитических акциях, как Константинопольский, Амстердамский и Петербургский договоры.

Анекдоты рассказывают о милосердии и щедрости Петра, причем каждый из авторов обнаруживает проявление этих черт в различных ситуациях. Нартов, например, приводит анекдот, похожий не на быль, а на легенду, о том, что Петр, представившийся проезжим офицером, наградил заботящуюся о своем отце дочь пятью рублями, а ее отца за хорошую службу — капитанским жалованьем и 500 рублями. Более похож на правду анекдот о том, как царь велел выдавать полковнику Карпову, «мужу заслуженному, но малоимущему», до самой его смерти полковничье жалованье и сверх того наградил 50 дворами крестьян.

Снисходительность проявил Петр и к денщикам, которые провинились в том, что ушли в ночное время из дворца на свидание к своим возлюбленным. Денщики ожидали сурового наказания, но его не последовало — царь всего лишь при-

грозил: «Впредь уходить со двора без приказа моего никто не дерзнет, иначе преступника отворочаю так дубиной, что забудет по ночам гулять и забывать свою должность...» Милосердие царя вызвал поступок чьего-то сына, павшего к его ногам и просившего помиловать отца, приговоренного к смерти: «Со смертью его и смерть моя». Петр помиловал провинившегося, сказав: «Счастлив отец, имея такого сына»³⁹.

Умел Петр ценить преданность, таланты и благородство соратников и полководцев. В общей форме стремление царя воздать должное за усердие отметил Штелин в анекдоте под выразительным названием «Петра Великого признательность за верную службу»: «Ни один почти генерал и гражданский служитель не был оставлен без благотворения, хотя б он был иностранец или россиянин». Нартов подтвердил это конкретными примерами. О Б. П. Шереметеве Петр отзывался так: «Бориса Петровича нет уже, не будет скоро и нас. Храбрость и верная его служба не умрет и памятна будет в России навсегда».

Особую симпатию как царя, так и Нартова, вызывали храбрость и благородство генерала М. М. Голицына, водившего в атаку войска с трубкой во рту и наделенного высоким чувством благородного человека, способного ради интересов ближнего пожертвовать личным благополучием. Приведем этот рассказ полностью: «Генерал-майор князь Голицын, одержав над шведским генерал-майором Розеном под Добрым близ реки Напы знатную победу, спрошен был Петром Великим: «Скажи, чем тебя наградить?» На что он отвечал: «Всемиловитейший государь, простите князя Репнина», который впал незадолго перед сим в немилость государскую (был разжалован в рядовые за поражение под Головчиным в июле 1708 года. — *Н. П.*). «Как, — сказал государь, — разве ты забыл, что Репнин твой враг?» «Знаю, — говорил Голицын, — и для того вашего величества о помиловании его прошу». На сие Петр Великий отвечал: «Великодушие твое похвально, заслуга твоя достойна награды, я для тебя его прощаю». Но сверх того князю Голицыну пожалован орден апостола Андрея. Князь Голицын приобрел при сем случае сугубую славу как храбростью, так и великодушием, а государь показал, сколь умеет он воздавать подданному за его заслуги».

Второй раз Голицын отличился в 1720 году (Нартов ошибочно назвал дату 1719 год) при морском сражении у Гренгама. В анекдоте, посвященном этому событию, Нартов еще более рельефно отразил душевные свойства Голицына. Царь решил пожаловать генерала деревнями, но тот от них отка-

зался и «получил вместо сего шапку драгоценную и денежное награждение. Князь Голицын, получив от государя деньги, купил на оные шапки, коты и фуфайки и в жестокую зиму роздал их в походе бывшим с ним солдатам. Петр Великий, уведомясь о таком бескорыстии и человеколюбии, душевно был доволен; увидя князя Голицына и поцеловав его в лоб, сказал ему: «Прямой сын отечества; ты печешься более о здоровье моих солдат, чем о себе».

С похвалой Петр отзывался о князе Якове Федоровиче Долгоруком, осмеливавшемся резать правду-матку не только сенаторам, но и самому царю: «Князь Яков в Сенате прямой помощник; он судит дельно и мне не потакает, без красноречия режет прямо правду, несмотря на лицо». Князь Я. Ф. Долгорукий не запятнал своего имени ни казнокрадством, ни мздоимством, ни прочими неблаговидными поступками. Но как быть с А. Д. Меншиковым, которого природа наградила не только талантами полководца и администратора, но и страстью к стяжательству, порождавшей казнокрадство и вымогательство посулов? Обойти молчанием эту колоритную фигуру составители анекдотов, конечно же, не могли. Современников и потомков интересовал вопрос, как светлейшему князю удавалось долгое время сохранить фавор, чем объяснить благосклонность к нему царя, человека хотя и справедливого, но сурового, отправлявшего провинившихся на виселицу и эшафот. Почему Меншикову все сходило с рук? Приведем несколько анекдотов на этот счет.

Петр во время второго заграничного путешествия поручил обустройство Васильевского острова Меншикову. После возвращения из-за границы он вместе с принятым на русскую службу архитектором Леблонем осматривал плоды деятельности Меншикова. Царь согласился с мнением архитектора, что все надо переделывать, что потребует немалых затрат. «Ты безграмотный, ни счеты, ни меры не знаешь!» — кричал разъяренный царь, затем «схватил Меншикова за грудь, потряс его столь сильно, что чуть было душа с него не выскочила, и вытолкнул потом вон». Все думали, продолжал Нартов, что Меншиков «чрез сию вину лишится милости, однако государь после, пришед в себя, кротко говорил: «Я виноват сам, да поздно; сие дело не Меншикова, он не строитель, а разоритель городов».

В другой раз царь в гнев грозил вернуть князя, выражаясь языком того времени, в первобытное состояние, то есть сделать продавцом пирожков. Гнев царя укротила его супруга, и все обошлось для него благополучно. Как-то во время очередной провинности князя и очередного заступничества

за него Екатерины царь в сердцах произнес: «Ей, Меншиков в беззаконии зачат и во всех гресех родила мати его, а в плутовстве скончает живот свой. И если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы»⁴⁰.

В приведенных выше случаях Нартов объяснял безнаказанность Меншикова заступничеством Екатерины. Более основательные причины снисходительности царя привел Штелин. В одном из анекдотов он рассказал, что Сенат представил царю донесение с изложением всех проделок светлейшего, в том числе и его хищений из казны. Царь, выслушав обвинения, якобы произнес фразу, дающую основания для различных ее толкований: «Меншиков останется Меншиковым». Более четкий ответ Петра приводит Нартов: «Вина немалая, да прежние заслуги более». Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одном выколол его дубиной и потом сказал: «Теперь в последний раз дубина; ей, впредь, Александра, берегись».

Широкий отклик у населения, прежде всего черного и белого духовенства, нашла церковная реформа Петра. Отмена патриаршества и частичная секуляризация церковных владений, стремление царя принудить духовенство служить государству вызвали глухой ропот. Открыто выступить против реформ духовенство, однако, не осмеливалось, опасаясь крутого на расправу царя. Царь же отвечал духовным взаимной неприязнью.

Ни один из анекдотов не освещает причастность духовенства к делу царевича Алексея, но косвенную вину за его бегство признает. «Когда б не монахиня (Евдокия Лопухина, первая супруга Петра. — *Н. П.*), — рассказывает Нартов, — и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное». Он приводит и слова Петра: «Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы. Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами».

Любопытные сведения об отношении царя к робким заявлениям церковных иерархов о необходимости восстановить патриаршество сообщил Нартов. Царь действовал решительно и бескомпромиссно: «вынув одной рукой из кармана к такому случаю приготовленный Духовный регламент и, отдав, сказал им грозно: «Вот вам духовный патриарх», а противомыслящим сему (выдернув другой рукой из ножен кортик и ударя оным по столу) вот булатный патриарх». Иную версию этого же события передает Штелин: когда иерархи потребовали восстановления патриаршества, Петр пришел «во гнев и, ударив себя в грудь, сказал: «Вот вам патриарх». Оба вариан-

та имеют право на существование, но, зная нрав Петра, следует, на наш взгляд, отдать предпочтение версии Нартова.

Вполне логично и рассуждение Петра, переданное Нартовым, о судьбе доходов, получаемых с монастырских крестьян, и материальных условиях жизни монашествующих: «Монастырские с деревень доходы надлежит употреблять на богоугодные дела и в пользу государства, а не для тунеядцев. Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею — довольное содержание, чтоб ему было прилично. Наши монахи зажирили. Врата в небеси — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями и вином».

В связи с церковной реформой Нартов описывает несхожую жизнь двух иерархов: Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Явившись неожиданно поздним вечером к тому и другому, Петр застал Стефана Яворского за сочинением «Камня веры», а на столе вместо вина или водки нашел брусничную воду. Иную обстановку царь обнаружил у Феофана Прокоповича: уставленный всякими яствами стол, вино и гостей навеселе. Феофан Прокопович не растерялся и пригласил царя к застолью. Царю импонировал как аскетизм Стефана Яворского, так и жизнелюбие Феофана Прокоповича. Первому он на прощанье сказал: «Клевета язвит, днем хулит, но непорочность ясна и в ночи. Прощай, будь спокоен; невинность защищает Бог». С пониманием отнесся Петр и к тому, что узрел в покоях Феофана Прокоповича, и успокоил своего главного помощника по проведению церковной реформы словами: «У Стефана, как у монаха, а у Феофана, яко у архиерея, весело и проводить время не скучно».

Приведенные анекдоты не дают ни малейших оснований для сомнений относительно твердости царя в соблюдении веры. «Петр Великий был истинный богопочитатель веры христианской, — рассказывал Нартов, — и, подавая собою примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Штелин в одном из анекдотов тоже подчеркнул «величайшее уважение» царя к Библии. Петр велел печатать ее в Амстердаме на «своем иждивении на русском и голландском языках»⁴¹.

Ревность Петра к вере отметил в нескольких анекдотах и Штелин. Он писал, что «сей государь от младенчества своего имел основанием премудрости страх Господен и во всю жизнь свою пребыл в оном непоколебим... сколько он ненавидел разврат и суеверие, столько был равнодушен к прочему, касающемуся до особенных обрядов и различных отправлений публичных богослужений». Не придавая большо-

го значения церковной обрядности, он в то же время, как свидетельствует Штелин, требовал от молящихся в церкви благоговения и усердной молитвы. Для соблюдения благочестия он определил в придворной Троицкой церкви и во многих других храмах специальных надзирателей, обязав их пресекать всякие разговоры во время церковной службы.

Составители анекдотов не оставили без внимания и заботу Петра о распространении просвещения и научных знаний. Правда, некоторые начинания царя в этой области оказались вне поля их зрения: учреждение цифирных и епархиальных школ, выпуск первой печатной газеты, совершенствование шрифта и другие не нашли отклика в анекдотах. Зато и Нартов, и Штелин приводят диалог царя с генерал-прокурором П. И. Ягужинским в связи с открытием Кунсткамеры.

Ягужинский предложил взимать плату за посещение музея и собранные деньги использовать на содержание штата и приобретение новых экспонатов. Петр, как мы помним, резко возразил на это.

У Нартова возражения Петра Ягужинскому выглядят так: «Павел Иванович, где твой ум? Ты судишь неправо; по-твоему — намерение мое было бы бесполезно. Я хочу, чтобы люди смотрели и учились. Надлежит охотников приучать, подчивать и угощать, а не деньги с них брать». Примерно такой же ответ царя Ягужинскому записал и Штелин: «Павел Иванович, ты глупо рассуждаешь! И предложение твое более бы воспрепятствовало, а не споспешествовало моему намерению, ибо кому была бы нужда в иностранных моих редкостях, и кто бы пожелал видеть мою Кунсткамеру, если б ему за то надлежало еще платить деньги? Но я при том еще приказываю, чтоб не токмо каждого безденежно впускать, но сверх того всегда, как ни соберется общество, угощать их на мой щет чашкою кофе, стаканом вина, рюмкой водки или другими напитками в самих Кунсткамерах». На этого рода расходы царь выделил 400 рублей в год. Впрочем, угощению подлежали только знатные экскурсанты.

Принцип отбора материалов для анекдотов предельно ясен: панегиристы Петра избегали освещения тех поступков и черт характера царя, которые не вызывали у читателей умиления и не укладывались в панегирический тон повествований. Исключение составляют рассказы об отношении царя к женщинам, но и здесь требуется оговорка: они вызывают осуждение с современной нам точки зрения, ибо анекдоты повествуют о плотской любви, легко достававшейся царю. Однако в глазах современников царя любовные его похождения, называвшиеся в то время забавами (о которых

более других рассказывает Нартов), победы над слабым полом почитались молодецкими поступками, заслуживающими подражания.

Нартов так описывал отношение царя к слабому полу: «При всех трудах и заботах государственных государь иногда любил побеседовать с красавицами, только не более получа-са. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утешал любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать в роскоши не надлежит; забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне; у неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины оковы долговременны».

Он употреблял ту, которая ему встретилась и нравилась, но всегда с согласия ее и без принуждения. Впрочем, имел такие молодецкие ухватки и так приятно умел обходиться с женским полом, что редкая отказать бы ему могла. Видали мы сие не токмо дома, но и в чужих государствах, а особливо в Польше, когда он на такую охоту с Августом ездил».

Однажды, рассказывает Нартов, царю приглянулась белошвейка «приятного и красивого лица». Екатерина, узнав о существовавших между ними интимных связях, решила избавить супруга от неудобств и определила белошвейку камер-юнфером. Царь был расстроен и удивлен неожиданной встречей с возлюбленной в апартаментах Екатерины и тут же «вышел вон». Супруга удалила ее, после чего царь «сию девушку никогда к себе не призывал». Имел царь близкие отношения и с «одной молодой, рослой и пригожей девкой» в Саардаме, которая являлась «предметом его забавы» и стоила 50 червонцев, а также с актрисой Клосс в Лондоне, оставшейся недовольной низкой оплатой царем своих услуг. Впрочем царь, согласно анекдотам Штелина, был снисходителен и к плотским грехам других⁴².

Многие сюжеты личной жизни Петра и его государственной деятельности не отражены в анекдотах. Это касается событий и поступков царя, вызывавших резкое противодействие населения: среди многочисленных анекдотов мы не обнаружим ни одного, освещавшего бунты в Астрахани и на Дону, нет анекдотов об измене Мазепы. Не заметили составители анекдотов и событий из семейной жизни царя, не лучшим образом его характеризующих: заточения в монастырь первой супруги Евдокии Лопухиной и нарушения ею монашеского обета, бегства царевича Алексея в Вену и Неаполь, а затем гибели его в застенках Петропавловской крепости, дела Монса, связанного с нарушением верности Екатерины и др.

Главный порок царя, его жестокость, проявившаяся в казни заговорщиков Цыклера и Соковнина, в массовых казнях стрельцов, в пытках в своем присутствии собственного сына, старательно замалчивается всеми составителями анекдотов. Среди них лишь Нартов бегло, в самой общей форме, писал о стрелецком бунте, но с такими отступлениями от истины и с таким рьяным стремлением оправдать царя, что пользоваться его свидетельством как источником для истории стрелецкого бунта совершенно невозможно. Нартов сообщает, что царю «на другой день представлены были... заговорщики мятежа, от которых, выслушав достоверную исповедь злого умысла, пред всеми вельможами и при многочисленном народе, и видя, что прежде при многократных бунтах стрельцам оказанные милосердия и прощения не помогают, беззакония же такие угрожают впредь вящщею погибелью, предпринял до крайности ожесточенный монарх, по единогласному сынов отечества убеждению и по суду искоренив главных злодеев, извергов государства, а достальных разослать в отдаленнейшие места Сибири, Астрахани и Азова и ненавистное звание стрельцов уничтожить на вечные времена».

Приведенное описание не соответствует подлинному ходу событий, изложенному в начале книги: Нартов смягчает жестокость царя, не упоминает и о том, что Петр лично рубил головы стрельцам и принуждал делать это бояр.

Судя по анекдотам, Петра волновала его репутация за границей как царя деспотичного и жестокого. Основанием для такой догадки являются три анекдота: два принадлежат Нартову и изложены в форме монолога царя; третий — Штелину — в форме диалога Петра с Остерманом.

Узнав о том, что иностранцы «почитают его немилосердным», сообщает Нартов, Петр произносит следующие слова: «Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею о подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов Отечества возвышаю и награждаю я, а о непокорных и зловредных исправляю по необходимости. Пускай злость сия вещает, но совесть моя чиста. Бог судья мой. Неправое разглагольствие в свете аки вихрь преходный».

В другом анекдоте Нартова Петр обращается к Я. В. Брюсу и А. И. Остерману, отправлявшимся на Аландский кон-

гресс для переговоров о мире: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Аглицкая вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы».

Согласно Штелину, царь спросил у Остермана, только что приехавшего из Стокгольма, «что все государства о нем заключают и говорят». Остерман ответил: «Все хорошее и много похвального». Царь возразил. Может, это и правда, но о монархах принято судить с лестью, а он, Петр, хочет знать, что о нем судят «с доброй и худой стороны». Последовал ответ: «Сказывают, что ваше величество должны будете быть строгий государь, поступающий жестоко с своими подданными, употребляющий тотчас наказание и не знающий никакого прощения».

Царь парировал упрек, объяснив, что его считают «свирепым владетелем и тираном» люди, не знающие обстоятельств его царствования, не осведомленные о том, какие «препоны превосходным моим намерениям в пользу отечества» ему ставили, что и принуждало его поступать с ними со всей строгостью⁴³.

Однозначно оценивать жестокость Петра было бы неправильно. Во-первых, нельзя опрокидывать современные представления о добродетелях, зле и доброте на то время, отличавшееся варварством и дикостью. Во-вторых, говоря о казнях стрельцов, надобно учитывать, что если бы те не были разгромлены под Новым Иерусалимом, то возвратившегося в Россию царя и его сторонников ожидала весьма печальная участь. В-третьих, и это самое важное, Петр безгранично верил в огромную роль государства в жизни общества: оно распоряжалось, наставляло, поучало, требовало от населения беспрекословного повиновения указам, исходявшим от государства, которому дано знать, что полезно и что вредно обществу. Поэтому насилие, принуждение, жестокость являются неотъемлемой частью правления Петра. Ему принадлежит известная фраза о том, что его подданные не возьмутся за дело, если к тому не будут приневолены. Пушкин эту особенность петровской эпохи выразил лаконично и точно: указы писаны кнутом. Наконец, в-четвертых, надлежит учитывать темперамент Петра, его вспыльчивость, готовность действовать сгоряча, не соразмеряя свой поступок с его результатами. В качестве примера можно привести анекдот Нартова о том, как Петр, узнав о продаже Шеиным

офицерских должностей, вынул шпагу, чтобы на месте расправиться с генералиссимусом. С рассвирепевшим царем не могли совладать ни Ромодановский, ни Зотов; вмешательство в свару Лефорту стоило тому раны. Успокоившись, царь обратился к Лефорту со словами, как нам представляется, выразительно характеризующими его нрав: «Прости, любезный друг, я виноват, я исправляю подданных своих, и не могу исправить еще самого себя: проклятая привычка, несчастное воспитание, которого по сию пору преодолеть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о том». Наличие человеческих слабостей отмечал у Петра и Штелин. Царь, писал он, «весьма был склонен ко вспыльчивости и иногда в первом жару делал что-нибудь такое, о чем он после, рассудя сам, весьма раскаивался». Сказанным мы отнюдь не намерены оправдать жестокие поступки царя, а всего лишь хотим дать им объяснение. Но, например, эксгумацию останков Милославского и установку гроба под эшафотом казнимых Цыклера и Соковнина ничем оправдать нельзя — сценарий экзекуции был разработан царем заранее и хладнокровно претворен им в жизнь.

Если Нартов и Штелин записывали анекдоты, возникшие в придворной среде, а также имевшие хождение среди вельмож, то курский купец И. И. Голиков жил и действовал в иной социальной обстановке. Поэтому в анекдотах Голикова среди действующих лиц видное место занимают представители народа: солдаты, мастеровые, наемные работники. Это, однако, не исключает той же идейной направленности его анекдотов: царь, общаясь с простыми людьми, проявляет о них заботу, справедливость, простоту в общении и пр. Петр то пирует с плотниками «как старший из них без малейших чинов и не показывая вида величества», то проявляет трогательную заботу о заболевшем чахоткой сыне мастерового, присланного на поселение из Серпухова в Петербург, то оставляет без наказания напившегося на Пасху до бесчувствия работника баржи.

Известны призывы царя блюсти законы, которые он называл «фортецией правды». Анекдоты подчеркивают готовность царя соблюдать законы даже в тех случаях, когда он вступал в конфликт с нетитулованными подданными: царю довелось несколько раз выслушивать упреки гренадера в его неправосудии и когда выяснилось, что суд действительно ошибся, вынеся несправедливый приговор в пользу богатого соперника, претендовавшего на имение гренадера, велел Сенату разобраться. Оказалось, обер-секретарь Сената за взятку представил сенаторам дело в выгодном для взяткода-

теля свете. Справедливость восторжествовала: обер-секретарь понес наказание, а имение досталось гренадеру.

В другом анекдоте ответчиком выступил сам царь. Он просил на службу сына у одного купца, пообещав сделать его счастливым. Оказалось, сын попал в плен под Нарвой, что вызвало печаль отца, и тот подал челобитную царю с жалобой на него. Петр не принял челобитной, велел ее рассматривать Сенату. Сенат удовлетворил иск челобитчика, и царь вынужден был обменять пленника на нескольких шведских офицеров и сверх того наградить его деньгами. Готовность царя соблюдать закон перекликается со свидетельствами иностранцев о строгом соблюдении царем субординации на службе.

В то же время анекдоты Голикова передают доброжелательное отношение царя к лицам, почитавшим уставы и наставления: солдат, стоявший на карауле в крепости, не впускал царя в нее, сколько тот ни уговаривал его; непреклонным караульный остался и после того, как Петр объявил, что он царь и что ему надлежит известить пушечной пальбой и колокольным звоном рождение наследника. «А когда так, — смилостивился солдат, — что за нужда, пусть хоть расстреляют меня завтра. Поди и сегодня же обрадуй народ этой вестью». Петр настолько одобрил поведение часового, строго соблюдавшего устав, что велел его произвести в сержанты и наградить деньгами.

Царь высоко ценил ум и знания подданного. В подтверждение этого Голиков привел анекдот с характерным названием: «Государь награждает слугу достоинством морского офицера, а господина его определяет в матросы». Суть анекдота состоит в том, что прибывшего из-за границы волонтера из дворян Петр лично экзаменовал и заметил, что у экзаменовавшегося отсутствовали знания и он пользовался подсказками расторопного и любознательного слуги.

Ценил Петр и находчивость, остроумие лиц, с которыми ему доводилось общаться. Один из анекдотов Голикова («Опрокинутый поднос с рюмками на государя») повествует о происшествии, случившемся в Киево-Печерской лавре накануне Полтавской виктории: царь неосторожным движением руки вынудил монаха, державшего поднос с рюмками с вином, уронить его; в результате рюмки были разбиты, а кафтан царя испорчен. Монах не растерялся и произнес фразу: «Тако, сокрушиши, великий государь, силы супостатов твоих!» Петр, улыбнувшись, отвечал ему: «Дай Бог, чтобы пророчество твое сбылось». После разгрома шведов под Полтавой царь велел старца, опрокинувшего на него поднос, посвятить в архимандриты.

Об умении царя угадывать таланты повествуют анекдоты о карьере многих лиц из его окружения — Сердюкова, Шафирова и Ганнибала⁴⁴.

Коротко остановимся на характеристике царя в легендах, сказках, преданиях. Ничего принципиально нового фольклорный материал не содержит. В нем отражены уже отмеченные выше черты натуры Петра: его доброта, справедливость, демократичность, умение прислушиваться к советам умных людей и др. Сказки и легенды так же восхваляют царя и так же умалчивают о его пороках, как и свидетельства иностранцев и составителей анекдотов.

Самое главное отличие этого вида источника состоит в том, что он создавался не в придворных сферах, а в гуще народа: среди солдат, мастеровых, монахов, крестьян. Хотя фольклорный материал, как сообщалось выше, не привязан к определенным событиям, он называет те или иные географические наименования, что позволяет более или менее точно датировать событие, о котором повествуют сказка или предание.

Так, например, в одной из легенд сообщается, что штурму крепости предшествовало появление на ее стене женщины, спереди одетой в шелковое платье, а сзади в рогожу. Это одеяние давало знать осаждавшим, что тыл крепости слаб и что там надлежит сосредоточить силы атакующих.

О какой крепости идет речь? Известно, за время Северной войны Петр овладевал множеством крепостей. Упоминание Ладожского озера дает основание полагать, что описанный эпизод относится к осаде Нотебурга.

Известен факт утраты русскими войсками артиллерии под Нарвой в 1700 году. Новые пушки велено было лить из меди пришедших в негодность колоколов, свезенных со всей страны. Нартов повествует, что этот совет дал Петру Ф. Ю. Ромодановский. Поскольку операция охватила значительную территорию России, народная память сохранила разные варианты возникновения идеи и ее реализации.

Одна из легенд явно родилась на севере: из разговора царя с безвестным монахом Соловецкого монастыря явствует, что братия поначалу сопротивлялась изъятию колоколов, но царь убедил ее, сказав, что колокольный звон слышен лишь вблизи, а пушки «славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города». По другой версии совет лить пушки из колоколов дал худо одетый человек после того, как царь налил ему две чарки вина. «Пьяница сей, — сообщает предание, — был пушечный мастер». По третьей версии советником царя выступил медник. Царь на-

меревался вылить пушки из собранных в стране медных пятаков, а медник дал ему разумный совет: «Вы по колоколу с каждой церкви снимите, налейте пушек». «На что же тебе столько пушек? Пойду Ригу завоюю»⁴⁵.

Множество сказок и преданий отразили простоту царя, его демократичность. Распространено было даже предание, будто в прошлом Петр был кучером. Обыкновение же царя крестить новорожденных у рядовых гвардейцев трансформировалось в одно из преданий, согласно которому Петр крестил сына у «бедного-пребедного мужика». Не меньше легенд посвящено отношениям между царем и солдатами: то царь проявляет великодушие, освобождая новобранца от наказания за то, что тот, оставив пост, решил искупаться; то, напротив, наказывает солдата за расточительность при угощении его обедом, говоря при этом: «И для царя солдат не должен расточать копейки»; то удивляет иностранных монархов готовностью русского солдата выпрыгнуть из окна и насмерть разбиться, но выполнить повеление царя. Рассказывают сказки и о трогательной заботе царя о солдатском рационе и экипировке⁴⁶.

Больше всего сказок и анекдотов посвящено известному царскому шуту Балакиреву, причем Балакирев всякий раз представлен в них умным, находчивым и остроумным шутком, оставляющим в дураках вельмож и генералов, высмеивающим их тупость. Бояре же всякий раз наделены отрицательными свойствами — то они заговорщики против царя, то казнокрады, которых не грешно и обкрадывать.

Многие, но не все предания и сказки, имеют назидательную концовку. Одно из исключений составляет короткий рассказ об убийстве царем своего сына, виноватого в том, что он при сооружении корабля не так, как должно, тесал брус. Отец наказал сына ударом тяжелым предметом. И тот после этого прожил трое суток. Предание заканчивается словами, которые можно толковать по-разному — и как осуждение действий отца, и как одобрение их: «Государь великий, Петр Алексеевич, написал своей рукой: «Отцу только и наказание за сына — на трои сутки на овес на воду».

Последний по счету, но не по важности исторический источник петровского времени, освещающий интересующую нас тему — исторические песни, — роднит с преданиями и сказками происхождение: песни сменившие былинный эпос, родились в народной гуще. Но песни имеют два существенных отличия. Они отражают конкретные события, привязаны ко времени и месту; другое отличие состоит в более глубоком и разностороннем освещении проис-

ходившего: песни отражали не только радостное, но и печальное, не только сочувствие вводимым новшествам, но и их осуждение, не только доблесть и отвагу, но и подлость и измену, не только успехи, но и неудачи. Именно поэтому исторические песни приобретают более важное значение для историка, чем сказки и предания. Хотя они менее ценны, чем документальные материалы, но обладают двумя достоинствами: они дополняют сухую информацию документов и регистрируют степень народного самосознания. К тому же документальный материал нацелен на будущее, в то время как исторические песни регистрировали прошлое.

Вместе с тем тщетно искать в песнях внутри- и внешнеполитических сюжетов; в них не нашли отражение дипломатические акции и условия возникновения нормативных актов, а также явления культурной жизни, распространенные среди привилегированной части населения.

Не все песни петровского времени рисуют образ Петра, его кипучую деятельность, но все они непременно отражают дух бурной эпохи, напряженную ситуацию, в которой действовали герои и антигерои, Петр и его противники как внутри страны, так и за ее пределами. После этих предварительных замечаний переходим к содержанию исторических песен.

Событий, запечатленных народной памятью в песнях петровского времени, предостаточно: Азовские походы, стрелецкий бунт, важнейшие сражения Северной войны.

Главные действующие лица большинства песен — солдаты и драгуны, поскольку песни возникали преимущественно в солдатской среде. Но присутствуют в них и князья и бояре, выступавшие в роли глупых и трусливых людей, а также полководцы, разделявшиеся на удачливых и талантливых, которым сопутствовал успех, и на бездарных, губивших людей. Видное место песни отводят царю, человеку суровому, но справедливому, умеющему ценить отвагу, находчивость и беспощадному к изменникам и предателям. Не оставили песни без внимания и недругов царя, его смертельных врагов: Карла XII и его генералов, а также изменника Мазепу.

Едва ли не самым сложным для восприятия являются песни о стрелецком бунте. Оценка его неоднозначна: с одной стороны, песни уклоняются от объяснения причин бунта, ограничиваясь самыми общими суждениями: раньше царь стрельцов «много жаловал», а «ныне государь на нас прогневался и хочет стрельцов казнить-вешать». За что и почему? Песня отвечает: «за измену против царского величест-

ва», не уточняя, в чем она состояла. В одной из песен стрельцы отправляют к царю атамана, наказав ему просить у царя милости, взамен обещая овладеть городом «без свинцу, без пороху, без его снаряда государева». Царь оказался непреклонным и ответил атаману: «Кого стану казнить, кого вешати. С тебя, атамана, голову рубить». В другой песне из того же цикла атаман заявляет царю: «Никто нейдет к тебе белу царю с повинною. Только я пришел к тебе с повинною, принес с собой топор и плаху. Речь говорит православный царь: да Бог простит тя за все вины, да и я прошу». Петр потребовал, чтобы к нему явились с просьбой о помиловании, но никто не пришел и тогда «царь осердился, приказал их всех казнить-вешать». В другой песне стрелецкий атаман не внял мольбам отца, матери и молодой жены покориться «самому царю» и ему отрубили «буйну голову, что по сами могучи плечи».

С отступлением от исторической истины песни повествуют о незадачливом герое неудавшихся Крымских походов князе В. В. Голицыне. Вины своей он не признавал и шел на казнь с «видом гордым», чем подчеркивал, «что и тут царю нет повинности». Симпатии авторов песни не на стороне «добра молодца, знатна барина», который имел «сердце каменное, молодецкое. Леденеет лишь да упорствует, на царя дышит злобой дерзкою, злобой дерзкою, богомерзкою».

Самый горячий отклик современников находим в песнях, посвященных Полтавской победе и измене Мазепы. Здесь и гордость за преславную викторию над надменным неприятелем, и гневное осуждение изменнического поступка Мазепы, совершившего предательство ради корыстных интересов:

Кто не слыхивал у нас такой славы?
Подымался король шведский даже до Полтавы.
Призывает он Мазепу себе на подпору,
Как бы вырыть под царем на погибель нору;
Веселятся и ликуют, чают — победили.
И не справившись с удачей, все распорядили.
Король шведский говорит: «Как я буду паном,
То устрою я Мазепу коронным гетманом».
А Мазепа возносился выше своей меры.
Был предатель государев, был предатель веры.
Но что вышло из их чванства? Не попали и в отчизну,
Потеряли цело войско, утекли в немчизну.
Виват Белый царь и воин, разумом богатый!
Виват храбры генералы! Виват и солдаты!

Песня о намерении шведского короля овладеть Полтавой близка к историческим реалиям: шведские генералы «к королю приходили, на словах к королю доносили:

Ох ты гой еси король наш ясный,
Как нам сколько под Полтавой ни стояти,
А приступом Полтаву не взяти!

Король, однако, стоял на своем и обещал генералам взять «Полтаву мимоходом» и предоставить им множество благ, «великую выгоду»:

Распишу ли вам пространные кварталы
Да и в том же Московском государстве;
Ох я сам ли король, встану в Кремле-граде.
Я драбантов поставлю в Москворечье,
А квандронов поставлю по Мясницкой,
А драгунов поставлю по Неглинной,
А пехотные полки — по всей Москве.

Другие песни подчеркивали героизм солдат и офицеров:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена шведская пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Смертельно раненный в одном из сражений полковник просит:

Отпишите потом братцы,
Чтобы знали, что я умер за отечество.

Песни о Мазепе, записанные П. В. Киреевским, создавались на Украине и однозначно враждебно отражали отношение народа к предателю. О Мазепе в них нет ни одного одобрительного слова и похвалы за переход в лагерь противника — Карла XII. В оценке современников он награжден такими эпитетами: «пес проклятый Мазепа», «проклятый Мазепа».

Ты гетман Мазепа,
Пан ты вероломный.
Злое начинаешь,
Сходишься со шведом.
На царя восточного
Ты руки поднимаешь.
Поднял силу многу.
Учинил тревогу...

В результате измены

Погубив же пес Мазепа
Невинные души,

под которыми подразумевались жертвы разгрома Батурина. Бесспорно негативная оценка Мазепы современником вы-

зывает тем большее удивление, что современные его поклонники то ли не знают этих песен, то ли сознательно их игнорируют.

Цикл исторических песен времени Петра посвящен выступлениям казаков на Дону, причем их отличает существенная деталь, противоречащая подлинному развитию событий: народная память связывала это движение с именем не Кондратия Булавина, а Игнатия Некрасова: имя Булавина не упоминает ни одна из песен:

Тихий Дон до города до Черкасского
Возмутил его донской казак,
По имени и по отчеству
Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов.

Песня считала виновником бунта «графа Долгорукого, который «без указу то нас разорять стал», чем вынудил казаков пойти «к турецкому хану в подданство». Некрасов горевал на чужбине, куда его занесла «неволя царская».

Песни откликнулись и на два события семейной жизни царя: смерть царевича Алексея и ссылку в монастырь первой жены Петра, причем симпатии песни на стороне царицы, за которой царь «поехал в монастырь во Покровской, чтобы царица воротилась из ссылки, но игуменья ему отказала».

Песни оплакивают смерть самого царя. Заметим, что скорбь по поводу кончины Петра не связана с его деятельностью реформатора. В песнях незаметно, что речь идет о царе необыкновенном, энергичном, талантливом, обессмертившем свое имя громкими деяниями: если имя Петра I заменить именем Петра II, то содержание не потребует изменений:

Помер, помер наш батюшка, православный царь.
Помер он, переставился.
На кого ты, батюшка, обузушки покинул.
Как и первую обузушку — мать Россеюшку,
Как другую то обузушку — молодых солдат,
Как и третью то обузушку — белокаменны палаты?
Как и эти палаты стоят растворены,
В этих палатах золота гробница.
У этой гробницы стоят попы-патриархи.
Они служат и читают — память отпевают.

Впрочем, в многочисленных песнях, посвященных кончине Петра Великого, можно обнаружить скорбь, охватившую армию, и это естественно, ибо песни создавались в военной среде, точнее, в гвардии — детище Петра:

И ты встань-проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на свою армию.
Что все полки во строю стоят
И все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах.
Все майорушки на добрых конях.
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами, —
Дожидают они полковничка,
Что полковничка Преображенского,
Капитана бомбардирского.

В другой песне, возникшей в годы царствования Анны Иоанновны, выражен взгляд на прошлое, сожаление о времени Петра, недовольство бироновщиной:

Из гробницы встань, русской белой царь!
Ты взгляни-ка, царь, радость гвардии,
Как полки твои во строю стоят,
Опустив на грудь свои головы!
Что не царь нами теперь властвует
И не русской князь отдает приказ,
А командует, потешается,
Злой тиран Бирон из немечины.
Встань, проснись, царь, наше солнышко,
Хоть одно слово псынам вымолви,
Прикажи весь сор метлой вымести
Из престольного града Питера.
Поведи ты нас в Пруссии области,
Мы научим их уму-разуму⁴⁷.

Цитированная выше песня принадлежит к числу немногих, в которой можно обнаружить хвалебную оценку царя. Здесь он назван «нашим солнышком», а в песне о Полтавской победе «разумом богатым воином».

Подводя итоги, отметим самое существенное отличие в изображении современниками Петра Великого по сравнению с его предшественниками. Прежние государи выглядят людьми, лишенными человеческих качеств. Их иконописный образ выражался в поступках, не свойственных обычному человеку, они отличаются всем — начиная от одежды и кончая осанкой и поступью — все должно было внушить окружающим мысль о неземном, божественном происхождении государя. Облик Петра был более реалистичным. Единственное, что осталось от иконописной традиции изображения монархов в предшествующее время, — это мифические рассказы Крекшина и Штелина о зачатии Петра и предсказании его необыкновенного будущего. В век господ-

ства рационализма подобные суждения выглядят анахронизмом.

И все же современники, писавшие о Петре, не освободились от традиции создания панегириков в адрес государя: царь хотя и выглядит земным существом, но практически лишен человеческих пороков. Меньше всего этот недостаток просматривается в донесениях иностранных дипломатов. В их записках имеется еще и то преимущество, что они имели возможность сравнить Петра Великого с монархами собственных стран и обнаружить штрихи, ускользавшие от наблюдений отечественных авторов.

Петр обладал подкупающей чертой, вызывавшей симпатии современников и потомков: он разделял тяготы народа — вместе с ним подвергал свою жизнь смертельной опасности во время сражений, переносил тяготы солдатской жизни в весеннее половодье и осеннюю слякоть, работал топором на верфях. Петр был единственным императором, за просто общавшимся с солдатами и матросами, корабельными мастерами и кузнецами, шкиперами-иноземцами и учеными с мировой известностью. Общительность и простоту царя донесли до нашего времени его современники в анекдотах и песнях, сказках и донесениях дипломатов. Короче и выразительнее, чем Пушкин, оценить Петра Великого невозможно: он «на троне был работник», держа в руках, добавим от себя, то скипетр, то топор, то меч, то перо.